

18+

Ольга Исаева

Таро Валуа.

Тайна двух королей

Ольга Александровна Исаева

Таро Валуа. Тайна двух королей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39290906

SelfPub; 2020

Аннотация

Невероятная история французской династии королей Валуа и их главного секрета в жизни – создания первых в мире карт Таро! Мистические совпадения, любовь, интриги, сражения Столетней войны, что сопровождали их правление, приведут читателей к истории создания одного из самых сильных магических атрибутов, известных и широко использующихся по сей день. Книга является интерпретацией реальных исторических фактов, что делает ее поистине бесценной.

Содержание

Часть 1. Сын	4
Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	51
Глава 4	57
Часть 2. Отец	100
Глава 5	100
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Часть 1. Сын

Глава 1

1392 год, апрель- август.

Париж, дворец Карла VI Влюбленного

Весь этот ад начался в 1392 году...

Безобидная с виду простуда переросла в жесточайшую форму лихорадки и словно что-то поменяла в его крови. Тогда, лёжа в большой кровати, Карл VI, король Франции, сын Карла V, чьё правление, по праву считается одним из самых великолепных периодов правления во Франции, чувствовал, словно ему под кожу залезли сотни маленьких пиявок и стали двигаться в нем быстро быстро, стремясь проникнуть в мозг. Ему было так плохо, что хотелось умереть. Эти процессы повышали и понижали температуру тела мгновенно, его сильно трясло и король отключился.

Придя в себя, он увидел свою любимую жену, королеву Изабеллу. Она была беременна их будущим наследником, повитухи говорили, что через месяц должен родиться их сын. На её лице было очень странное выражение. В глазах её читалось омерзение, ужас, презрение, страх. Все эти эмоции она пыталась скрыть за вежливой и участливой улыбкой, что

придавало им ещё больший смысл. Так смотрят на того, с кем придётся общаться ещё ни раз и ни два, но кого бы глаза не хотели видеть никогда.

По её лицу он понял, она его больше не любит. И не полюбит снова никогда. Но почему? Король совершенно не помнил ничего, кроме как факта, что после принятия делегации он почувствовал себя несколько хуже, у него был озноб и королевский доктор, что посетил его в тот же вечер, дал ему трав и велел выспаться. Это было в понедельник, что могло произойти за ночь, чтобы самый важный в его жизни человек, его Изабелла, смотрела на него с таким омерзением?

– Изабелла, любовь моя, как долго я спал? Что произошло? Что с тобой, моя Изабелла?! Я вижу, что ты чем-то расстроена! С нашим ребёнком все в порядке?!

Королева потупила глаза и молчала. Пауза затягивалась, по её щекам текли большие крупные слёзы. Не смотреть ей в глаза было легче, но вот видеть её слезы...

– Изабелла, прошу тебя, не молчи!

– Я... Не могу... Это так... Пусть расскажет Людовик, – прошептала Изабелла, и шурша многочисленными юбками, быстро выбежала из спальни короля.

Герцог Орлеанский, который приходился кровным братом королю и был с ним в отличных отношениях, тоже был явно не готов к разговору о происходящем.

– Дорогой мой брат! Я уже нашёл того негодяя, что сотворил это с тобой! Я считаю, что твой лекарь дал тебе непонят-

ной травы и ты был не в себе эти дни!

– Эти дни?! То есть, сегодня не вторник...

– Сегодня среда! То, что ты не помнишь день, лишь подтверждает мою теорию! Ух, точно надо вешать этого еретика! До сих пор отпирается и говорит, что дал тебе ромашку! Все наладиться. Ты был немного не в себе.

– Не в себе?! В чем это выражается?

– Ты орал не своим голосом, ты ползал по полу, ты выл. Показывал всем твою королевскую мощь для продолжения рода.

– Как это? Я что, ходил голый?!!

– Именно. Голый. Без каких либо-штанов. И рубаха не прикрывала ничего.

– Как вы могли допустить это?!

– Это все началось достаточно быстро. Ты вскочил, ну мы подумали, ты выздоровел, ты бегал по дворцу в отличном настроении и пел бравурные песни. Ничего не предвещало, так сказать. За завтраком ты стал требовать Изабеллу сейчас же раздеться и делать наследников. Прямо на столе. И это при том, что ей рожать через месяц, кричал, что-то про кровь, чем изрядно её напугал. Потом ты пытался на наших глазах заставить служанку выполнять все то, от чего отказалась Изабелла. Ты показывал всем, как происходит процесс, как это лучше делать, ни одна женщина, что оказывалась у тебя на пути, не была без внимания ... Мы ничего не поняли, на всякий случай оставили тебя под охраной. Казалось, что

это не ты... Изабелла, она пыталась успокоить тебя, усмирить...но ты лишь толкнул её, а потом и вовсе ударил..

– Господи, какой ужас... – прошептал король и погрузился в свои раздумья.

Срочно у ювелира было заказано кольцо невероятной красоты для Изабеллы. Служанке выделено жалование. А вот придворному доктору пришлось поплатиться головой.

Король думал об этом событии не одну неделю. Все дело в том, что он был уверен, дело не в придворном лекаре. Что-то внутри Карла поменялось. Словно изменился его состав крови под кожей.

Он часто запирался в своём кабинете, смотрел в окно. Ему совсем не хотелось видеть Королеву, даже рождение его маленького сына совсем не принесло ему радости.

Наоборот, король переживал, что может передать ребёнку некие странности.

Карл часто просыпался ночью от тревоги, ему снились тёмные, вязкие, как болота, удушливые сны, в которых он был один, совсем один. Он не подпускал к себе доктора, боясь, что его сны могут быть следом столь длительного отравления.

От замкнутости состояние душевного здоровья короля продолжало помутняться, громкие звуки выводили его из равновесия, заставляя плакать.

Жуткие сны и головные боли мучали его.

Несколько месяцев король сидел в замке, но простившей

его Изабелле, её смягчившемуся к нему и его переживаниям сердцу и разуму удалось найти нужные слова, чтобы помочь королю жить заново.

Изабелла пришла к королю, выбрав отличную женскую тактику – она великолепно выглядела в тот день. Атласное платье подчёркивало её стан. После рождения ребёнка, беременность совсем не испортила её стройную талию, а грудь, которой она кормила королевского наследника, стала ещё пышнее.

– Карл, мой милый муж. Ты верно поступил, что дал мне время осознать, как я люблю тебя. Ты был отравлен, но самое страшное, что ты отравляешь себе жизнь мыслями об этом поступке и дальше. Я простила тебя, мне не за что прощать тебя даже, поскольку не ты в тот момент руководил твоим телом. У нас растёт чудесный сын, ему нужен отец, мне муж и стране король. Услышь меня.

В конце концов королём было решено, что все настойки для лечения лихорадки были с различными травами и винным содержанием, а известно давно, пьяный себе не хозяин, а с лихорадкой и неизвестными травами тем более.

Настало лето, а с ним и огромное желание короля забыть все произошедшее и развеять хандру. Изабелла предложила королю устроить бал во дворце в Сен-Поле. Было выбрано 13 июня.

Бал прошёл прекрасно. Король получил от Изабеллы столько счастливых улыбок, что воспрянул духом. Все тяже-

лые мысли его растворились в свете многочисленных свечей, блестящих шпаг и красоты придворных дам во главе с его обожаемой Изабеллой.

А тем временем, за спиной короля черными лепестками ненависти распускалась интрига.¹

Вот уже 12 лет Карл VI правил страной, превратившись за это время из 12 летнего мальчишки в 25 летнего юношу. Карл V, который был не только отличным королем, но и предусмотрительным родителем, принял ордонанс в 1374 году, согласно которому Карл VI, становился совершеннолетним в возрасте 13 лет, а, следовательно, мог принять на себя функции главы государства. Причин для принятия ордонанса было много, но главная заключалась в Людовике Анжуйском, приходившимся Карлу V родным братом. В молодости братья были очень близки, но при этом Карл V по некоторым причинам решил обезопасить своего сына.

По ордонансу следовало, что в случае смерти Карла V, регентшей должна быть признана королева, его любимая Жанна, но увы, ей было суждено покинуть этот мир даже раньше своего супруга. Поэтому, правление было передано двум дядьям королевы герцогу Беррийскому и герцогу Филиппу Бургундскому. На должность коннетабля был назначен Оливье де Клиссон, вернее сказать, это было даже не назначение, а продление полномочий коннетабля, который получил эту

¹ Гравюра для обложки – <http://lesroismaudits.mybb.ru> [Электронный ресурс] дата обращения 06.11.2018

должность от самого Карла V.

Власть дядьев не продолжалась долго, фактически, они правили год, набивая свои карманы. Но, первое время этот факт был не так заметен на фоне вопиющего поведения Людовика Анжуйского, который присвоил себе из казны 17 миллионов франков, так и не добившись отмены решения по ордонансу.

И все же, власть пьянит. Пьянят и деньги, и поборы, что можно безгранично назначать крестьянам. Герцоги не раз вспоминали прекрасные для себя времена, мальчишка Карл VI все же вступил в свои права и раздражал их своим желанием быть как отец. Он сувал свои нос во все дела. Он управлял страной, как управляет тринадцатилетний мальчишка своей бандой из друзей в саду – наигрался и забросил.

И его лучшим другом, его единомышленником был любимый когда-то друг отца, коннетабль Оливье де Клиссон. Этого человека герцоги просто ненавидели. Он и именно он добился того, что молодой Карл VI объехал всю страну и увидел масштабы страданий народа от налогов, введенных дядьями. Он и именно он помог Карлу VI отстранить дядьев от управления страной.

Оливье де Клиссон

Оливье V де Клиссон (фр. Olivier V de Clisson; 1336 – 23 апреля 1407) – французский военачальник времён Столетней войны и коннетабль Франции, принадлежал к старинному бретонскому роду Клиссонов

Герцоги ждали подходящего момента, чтобы если не вернуть себе власть полностью, то хотя бы отомстить. Им нужна была сила, смелость и ненависть к коннетабл в одном флаконе.

Таким флаконом оказался герцог Бретанский, который больше всего ненавидел коннетабля Оливье де Клиссона. с которым у того были давние личные счёты.

Именно в коннетабле, а вернее, в силе его военного поста и влияния тройца видела угрозу для своего дальнейшего благополучного существования. Им оставалось малость – найти более или менее доступную марионетку для совершения убийства Оливье. А далее все правление Карла VI им казалось так же легко разрушимым, как карточный домик.

И его величество Случай, как бывает в такие дни, услышал их чаяния.

Герцог Орлеанский, известный нам как Людовик, любимый брат нашего короля Карла VI, был женат на Валентине, о чьей красоте легенды ходили по всей Европе и за её пределами.

Но волк не бывает сыт, как и молодая душа герцога не могла насытиться красотами одной женщины. Много сердец пало в этой войне, несколько бастардиков с папиными чертами бегало по окрестностям Парижа, но были и честные девушки, чьё сердце плотно было занято любимыми мужьями или просто достойными кавалерами.

Так сложились звезды, что именно о порог такой достойной Людовик и сбивал каблуки своих сапог, предлагая ей различные блага. Дама была благородная и держалась с достоинством. Боясь не выдержать напора, она пожаловалась месье с самой сомнительной репутацией в Париже.

Некий Пьер де Крайон, к слову сказать, приводившийся родственником королю, был известен по очень неприятной истории. Близкий друг Пьера, герцог Анжуйский, воевал в Италии. Средства его были на исходе и герцог сердечно попросил своего друга Пьера съездить к его жене и получить у неё деньги на продолжение военных действий. Герцог Анжуйский верил в успех и в людей. Что и сгубило его. Пьер, приехав к жене герцога, в красках описал всю сложность положения герцога. Порядочная и любящая жена собрала все, что смогла собрать за три дня и отдала Пьеру. Пьер и правда намеревался довести деньги до герцога, но ох уж эти венецианские куртизанки... Не испробовавший их любовь не понимает толк в жизни, любил он рассказывать своим друзьям.

Деньги закончились раньше, чем настало похмелье. Скандал был на весь Париж.

Безутешная жена герцога, обо всем узнав, подала в суд на Пьера. Суд признал её правоту, но, учитывая доброе отношение к Пьеру общества и его мольбы, посчитал нужным выслать его из Парижа и обязать вернуть деньги. Смотреть в глаза герцогу было невыносимо. Рассуждая, что герцогу все равно суждено погибнуть, а это в лучшем случае, на войне, добрый друг Пьер просто решил убить его самостоятельно. Заманив его в Лану, парой ударов Пьер поставил точку в своём отношении к мужской дружбе. Но и этот фортель, возможно, прошёл бы без внимания. Пьер, чувствуя свою возрастающую популярность и безнаказанность, решил сделать пакость самому герцогу Орлеанскому.

Все дело в том, что герцог имел доступ к очень интересным книгам по алхимии и даже имел небольшую мастерскую, где делали опыты. Пьер неоднократно просил герцога поделиться с ним, на что всегда получал отрицательный ответ. А венецианские куртизанки продолжали голосами сирен манить и стоили ох как не дёшево.

Раздосадованный Пьер, чья репутация была безнадёжно испорчена настолько, что и одного су бы ему не доверили, решил отомстить Людовику.

Ударил он по больному, придя к его невероятной красоты, ещё раз повторимся, жене Валентине и рассказал той о любовных похождениях её мужа. Валентина, как дама умная и достойная, вышла из этой ситуации с невероятной красоты диадемой и обещанием от честной девушки, что не далее,

как завтра, девушка будет уже в монастыре и станет невестой
Господней.

Валентина Висконти (герцогиня Орлеанская)

Единственная дочь Джан Галлеаццо Висконти, первого герцога Милана, и французской принцессы Изабеллы Валуа (дочери Иоанна Доброго). Рано осталась без матери, воспитывалась в Павии своей бабушкой Бьянкой Савойской. Получившая прекрасное образование и обеспеченная огромным приданым, Валентина была одной из самых желанных невест Европы (её обручали четыре раза). В 1395 году её отец решил выдать Валентину замуж за брата французского короля, чтобы укрепить свои политические позиции.

Но герцог сам такой дерзости и мужского предательства прощать не собирался. Да и королю такой родственник, начинающий дерзить самому Людовику, был вообще не приятен. И король, своим твёрдым решением приказал кляузнику покинуть город. Конечно, Крайон пытался оправдываться, говорил, что виноваты во всем оккультные науки, которыми занимается Людовик, но королю, чей нрав был очень справедливым и гордым, такой член семьи был не ко двору.

Так появился униженный и амбициозный, желающий владеть и не владеющий, но призванный сыграть зловещую роль в этой истории.

Слухи о его изгнании очень быстро долетели до герцога Бретонского. У него уже заседали дядья короля, которым так

неприятно было лишиться могущества, а хуже быть обвинёнными в растрате денег и в создании налоговых кандалах для народа. Приютив у себя Пьера, дав ему в распоряжение чудесный замок с отличным погребом и куртизанками не хуже венецианских, герцог Бретонский через неделю пришёл к Пьеру с заявлением.

– Хочешь, чтобы тебе достался этот замок и ты не знал отказа в женских добродетелях на пару миль в округе? Вся мерзость общества затаилась в коннетабле. Решим проблему с ним, решим проблему с обществом в целом. Тебе помогут 40 наемников. Или не стоит тут оставаться.

Пьер был изрядно пьян. С его коленей не слезала куртизанка, другая массировала его шею. Коннетабль он ненавидел лютой ненавистью, как, впрочем, герцога и короля, коим суждено было родиться под более счастливой звездой и управлять страной и её богатствами. Быть в шаге и не иметь возможности гораздо более, чем быть в недосыгаемости и о возможности даже не рассуждать.

– Решено. Я принесу вам его сердце на блюдечке.

И вот, ничего не подозревающий коннетабль Оливье де Клиссон в сопровождении восьми своих смелых воинов неторопливо приятным парижским вечером возвращался с бала. Сорок охотников за головами, среди которых были совсем безбашенные мародеры и убийцы, сидели в засаде и ждали условного сигнала.

Когда лошадь Оливье на полкорпуса вышла из-за угла, её

тут же оглушил огромный громила.

Клиссон успел выскочить из-за седла своей любимицы, которая стала клониться на бок. То ли у животного был шок, то ли она испустила дух. Оливье сразу узнал Пьера де Крайона.

– Сегодня я пришёл, чтобы убить тебя, – Крайон был в отличном расположении духа и сверкал своими белями зубами в издевательской улыбке. – Надоело молить о пощаде за свои проишествия герцога, короля. Одна твоя голова Оливье значительно поменяет на власть во Франции.

– Посмотрим, Пьер. Сегодня у меня не было настроения умирать, – и обнажил свою великолепную шпагу.

Мужчины и их воины столкнулись в жесточайшей схватке. Тут, правда, стоит сразу произвести оговорку. Банда Пьера значительно поредела – Оливье Клиссон пользовался большим уважением даже среди тех, кто не чтит закон. Нападавших осталось всего девятнадцать.

Сражение продолжалось уже минут 20, когда один из любимых воинов Оливье издал короткий вскрик. Его душа точно покинула тело, кровь из артерии на шее выходила страшным небольшим фонтаном.

Этой секунды Пьеру де Крайону хватило, чтобы нанести Оливье сокрушительный удар в сердце. Оливье рухнул на землю навзничь. Судя по бледнеющему лицу это было последнее его поражение в бою.

Залихватским свистом один из бандитов подал знак, что

приближается подмога со стороны армии короля, и Пьеру пришлось срочно сворачивать бойню. На самом деле, подмога подоспела только через несколько часов, потому как отправленный за подмогой молодой оруженосец совершенно потерял дорогу.

И среди разбойников бывают порядочные люди. Тот боец, что следил за прибытием королевского отряда, знал Оливье де Клиссона. Ему отчаянно нужны были деньги, но не настолько, чтобы не помнить добрых дел. Коннетабль был человеком очень крепким, этот удар только выбил из него дух, но не убил его. Стоило прекращать эту кровопролитную драку, свой куш он получит, а вот коннетаблю стоит ещё пожить.

Подав знак, он первым стал уносить ноги сначала по французским крышам, а следом и по узким улочкам.

К Оливье де Клиссону уже бежали толстый мужчина и его такая же неповоротливая жена. Простые люди в шёлку закрытой ставни наблюдали за происходящим, но очень боялись вмешаться. Бережно положив его на одеяло, они отнесли его в дом.

Первое, что ощутил Оливье де Клиссон, прежде, чем открыть глаза – острую боль в груди. Его снова спасла невероятная вещь – кираса, которую он получил в качестве подношения от короля во время передачи ему должности коннетабля.

Король Карл VI особо благоволил к Оливье и сам лично

преподнёс ему этот дар. Тонкая, словно из лебяжьего пуха, невероятно прочная кираса, защищала грудь коннетабля. Но самое интересное было в центре этой кирасы. В плетение была встроена небольшой кулон с образом Божьей матери. Он носил эту кирасу постоянно, словно в благодарность королю, а также осознавая, сколько у него врагов. Сегодня эти враги показали своё лицо, худшие предположения о связи герцога Британского с дядьями монарха и Пьером де Крайоном подтвердились.

В небогато обставленном доме было очень уютно. На его лбу лежала повязка, которая приятно холодила лоб. Пахло хлебом. За столом сидели простые люди – невысокого роста, полный коренастый мужчина с сильными руками и его милая жена, маленькая, и, казалось, даже кругленькая.

– Мы подняли вас, господин коннетабль, и отнесли в дом, как только это было возможно... – молвил, запинаясь, крестьянин.

– Мы пекари, господин, – вторила ему жена, – мы простые люди, мы не хотим неприятностей.

– У Вас их и не будет. Смею Вас заверить. Сегодня была попытка совершить предательство короля. Благодаря Божьей помощи и вашей смелости я жив. Следовательно, врагам моим надлежит в ближайшее время отправиться на тот свет.

За окнами послышался топот не меньше сотни копыт. Узкая улочка готова была трещать по швам от такой канонады

звука. Во главе поискового отряда был сам король, герцог Орлеанский был по его правую руку. Оба они были встревожены. Пекарь выбежал им на встречу, почтительно опустившись в приветствии самого короля, стал рапортовать, как они нашли с женой коннетабля, что он жив, как видели происходящее, куда отправилась банда.

Король, услышав, что коннетабль жив и находится в доме пекаря, уже отдавал приказание по поводу врача и подготовки транспорта для перевозки Оливье в замок. Герцог Орлеанский же, наоборот, очень внимательно слушал пекаря, запоминая каждую мелочь.

По окончании речи врач уже успел осмотреть коннетабля и заверил всех, что ничего страшного в ранении нет. Король снял с себя перстень и даровал его пекарю. К этому дару также присовокупили 100 су, что сделало пекаря и его жену невероятно счастливыми. Повозка с коннетаблем отправилась во дворец. От охраны отделился отряд в пятнадцать бойцов, целью которых было нагнать банду Краона.

Окончательно пришёл в себя коннетабль только на вторые сутки. Боль в груди ещё не прошла, но государственные дела не терпели отлагательств.

Оливье Клиссон попросил короля об ужине и обсуждении дальнейших действий без присутствия очаровательных дам. Он доверял Королеве, она очень ему импонировала, и расстраивать её совершенно не было в его планах.

На ужине также присутствовал и герцог Орлеанский, всем

сердцем поддерживающий брата и имеющий личные, как помнится, счёты к Пьеру де Крайону.

– У меня неприятные новости, господа. Пьер де Крайон не безумец, что жаждет мести. Он управляемый безумец, цель которого нанести удар по королевской власти. Ему неприятны ни династия Валуа, ни, естественно, Ваш покорный слуга. Все это организовано герцогом Британским и Вашими дядьями. Британь старается вернуть себе прежний статус любыми силами.

Повисло неприятное молчание. Одно дело безумный ревновец, недополучивший тайны алхимии. Другое дело попытка захвата государственной власти. Король заговорил после небольшой паузы:

– Необходимо пресечь такие действия на корню. Есть ли у нас доказательная база против наших дядьев? Пьера де Крайона повесить не составит труда, а вот пойти против своей крови... Это может вызвать серьёзные последствия. Предлагаю обрушить свой гнев на герцога Британского. Собираем армию, пойдём на него войной. Пусть назовёт нам все имена, гильотина давно плачет по его вероломной голове.

Сказано – сделано. В кратчайшие сроки была собрана и мобилизована небольшая армия.

В воздухе, помимо жаркого парижского солнца, казалось, проникшего в каждый камень в городе, а от того создающего эффект раскалённой печи, висело что-то гнетущее, неуловимое. Король замкнулся в себе, не устраивал приёмов, не

принимал послов и просителей. Изабелла видела его редко, бледный вид короля огорчал её, и он старался не показываться ей на глаза.

Король Карл VI, тем временем, чувствовал, что с ним происходит что-то. Страх поселился в его сердце. Причём поселился он не тогда, когда Оливье де Клиссон рассказал о предателе. Страх поселился значительно раньше. После той лихорадки, после того неадекватного для короля поведения, совершенно необъяснимого, король с каждым днём все больше опасался впасть в очередное забытие. Он практически перестал спать.

Картины с изображением его красивого рода на стенах казались ему устрашающими. На всех лицах он видел только гримасы. Он мог стоять и смотреть на них часами, все придворные шептались, что это реакция на потрясение от предательства дядьев и он молит о помощи у своих предков. На самом же деле Карл, поначалу испугавшийся своих видений, привыкал к ним. Он видел не лица предстающих перед ним королей. Он видел их пороки. Красивые картины расплывались перевёртышами у него перед глазами. Иногда Карлу казалось, что отдельные части тела даже шевелятся. Он не мог об этом никому рассказать, поскольку не понимал, насколько далеко зашли дядья и герцог Британский в своём предательстве.

Ситуация ухудшалась день ото дня. Пороки на лицах предков постепенно сменились на их лица в тот момент, ко-

гда души их покидали тело. Ещё через несколько дней король стал видеть их разлагающиеся трупы. Находиться в замке он больше не мог.

Собрав герцога Орлеанского и Оливье де Клиссона, король предложил им следующий план.

Поскольку трёх бретёров из отряда Пьера де Краона удалось схватить, они прямо указали, что скрывается преступник у герцога Британского. О влиянии на Пьера кого либо, кроме герцога, известно не было. Да и роль самого герцога была не доказана. Решено было атаковать Британь и действовать совместно с дядьями, их же руками убивая созданное ими сопротивление. Гонцы были отправлены к герцогу Беррийскому и герцогу Бургундскому. Оба дяди, оценив мудрость Карла VI согласились участвовать в походе и атаковать бывшего своего союзника. Смерть герцога Британского была им на руку. Друг другу они никогда не мешали, разворовывая страну при оммаже будущего короля Карла VI. А вот герцог мог сейчас открыть совершенно ненужные факты. Тем более, что Пьер де Крайон умудрился упустить возможность разделаться с Оливье де Клиссоном.

Местом встречи был назначен город Ле-Ман и все войска устремились туда. Дядья присоединились к походу на Бретань, что не удивило герцога. Поняв, насколько плохо его положение, он написал большое письмо королю, в котором клялся в своей верности и в том, что в Бретани нет Пьера де Крайона. Герцог был готов открыть врата всех городов,

чтобы воины короля лично убедились в этом.

В это время королева Арагонская также прислала весточку об аресте в Барселоне одного рыцаря, очень напоминающего Пьера. Но точного подтверждения этому не было и след Пьера был утерян.

Получив преклонение от всех мятежников, король все же не захотел прерывать поход. Ему не хотелось возвращаться в замок, к страшным картинам и ещё более страшным своим мыслям.

3 августа 1392 года началось с неприятных вестей. Короля мучила лихорадка. Снова он чувствовал кожей, как миллионы маленьких пиявок начинают ползать под его кожей. Его трясло, приходилось поддерживать стакан воды, чтобы он мог утолить жажду.

Ему снились непонятные картины. Раньше он не встречал таких. Словно иллюстрации из книг, но нарисованные на непонятные тематики. При этом у картин была единая, совершенно непонятная стилистика, один размер и направленность. Король ничего среди них не понял, подумав, что это плод его воображения, расшатавшийся после просмотра картин во дворе.

В Амьене пришлось остановиться на пару дней, все эти два дня врачи неустанно наблюдали короля, и рекомендовали ему вернуться в Париж или же отлежаться тут неделю. Но уже 5 августа король заверил, что ему лучше и с утра армия готова была отправиться в путь. Когда Карл вышел из свое-

го временного пристанища, народ ахнул. Август в этом году был жарким, на улице ярко светило солнце, был полдень и самые жаркие часы были впереди. И тем не менее, король зачем-то одел бархатную куртку и алую шапку. Пот тек ручьями по его лицу и шее, он был бледный, очень бледный. Жизнь словно не хотела находиться в его теле. В руках Карл перебирал жемчужные чётки, подарок его Королевы.

Не успела армия отъехать и одного лье, как на дороге появился босоногий старик, одетый в рваный дуплет. Его тело было покрыто коркой из болячек, влажных и гниющих. Откуда он взялся, не мог объяснить никто. Рядом был лепрозорий, но этот бы просто не дошёл оттуда. Он просто материализовался прямо под копытами славного королевского коня.

– Тебя предали, предали, Король! Тебя предали твои же родные, твоя кровь! Ты обречён на вечные страдания!!! – истошно завопил старик, – тебе не спастись!!!

Его бы убили на месте. Его бы повесили на гильотине. Этому старику нашли бы жесточайшую из казней.

Но в этот момент произошло неисправимое. Один из пажей короля, что также ехал на коне, был родом как раз из Амьена. И сложилось так, что приехав в город с королём, он случайно встретил свою любовь. На его счастье девушка ещё не успела выйти замуж, а потому прошлую ночь он провёл в уговорах её ждать его. Паж хорошо знал своего коня, солнышко пекло, процессия двигалась неторопливо, тряска сделала своё дело и он уснул. Сумасшедший старик разбудил

и напугал пажа, копьё из его рук соскочило и пришлось прямехонько по каске пехотинца.

Это была последняя капля для разума короля, чьё состояние от жары и дороги лишь ухудшилось, старик ударил сразу в два больных места. Он не сможет вылечиться. Его предали.

Последнее, что увидел влюблённый паж из города Амьена, это королевский клинок, протыкающий его шею насквозь. Кровь полилась по руке короля, словно змея обвила его своим упругим телом. Это привело короля в ещё большее помешательство. Теперь все лица, которые видел он, были словно коллекция дьявольских душ. У кого-то свисала клоушьями кожа, у кого то не было внутренностей. Конечности отсутствовали у многих.

Король посмотрел на свои руки, увидел своё отражение в каске. И понял. Среди всех умерших, он один остался живым. Его все предали!

– Меня предали, умрут же предатели! – с этим ревом он стал протыкать всех, кто встречался на его пути.

Пажу и бастарду де Полиньяку ещё относительно повезло, король убил их с первого удара. Пехотинцу, пытающемуся закрыться, он нанёс жуткие раны в голову и руку, одному пажу на коне король нанёс сокрушительный удар в живот, ещё одного ранил мимолётом. Король замер. В его голове, словно падающая на небе звезда, пронеслась мысль. Если проблема в его крови, то надо прежде всего истребить самого близкого по крови человека. Он развернулся и стал осмат-

ривать всех в поисках лица герцога Орлеанского. Герцог же и три его верных слуги неслись по лесу во весь опор в обратную сторону. Герцог мгновенно оценил весь ужас ситуации, поняв, что король не в себе, предпочёл скрыться. Если бы герцог остался наблюдать за происходящим из безопасного места, он бы просто ужаснулся, увидев, сколько человек пострадало. Король буйствовал, пока клинок его от запекшейся крови не перестал быть острым. В тот день души двадцати двух славных солдат покинули тела.

Гийом Мартель был обычным кастеляном королевского двора. Он наблюдал, как сотни мужчин дают себя ранить и убивать. С какой покорностью они идут на судьбу, словно нет другого шанса. Он не мог равнодушно смотреть на происходящее, погибали его друзья. Гийом решил, его жизнь на весах судьбы не стоит ещё десятка жизни. Выбрав удачный момент, он бросился на круп лошади сзади, стащил короля с коня и положил на землю. Единственное лицо, которое среди страшных масок увидел перед собой король, было лицо Гийома. Король принял его за ангела Божьего, за своё спасение.

"Сейчас все закончиться, я отправлюсь в светлое царство Господне. Старик не прав, я смог победить нечесть и я получаю свою награду.

Короля положили на повозку, он отключился.

Такой факт сумасшествия невозможно было скрыть. Свидетелем его стало слишком большое количество людей. Бо-

лее того, по всему Амьену ползли слухи, в несколько раз преувеличивающие происходящее. Шептались и о том, что герцог Орлеанский погиб, и о том, что убито около двух сотен человек, были смельчаки, кто утверждал, что голова короля превратилась в голову самого Сатаны. Много было домыслов о состоянии короля. Приближаться к замку, в котором он находился боялись дети и взрослые. Некоторые шептались, что его состояние заразно. Город совершенно забыл о своей жизни и ждал только глашатая с объявлением.

А тем самым временем, никто не мог сказать, что происходит с королём.

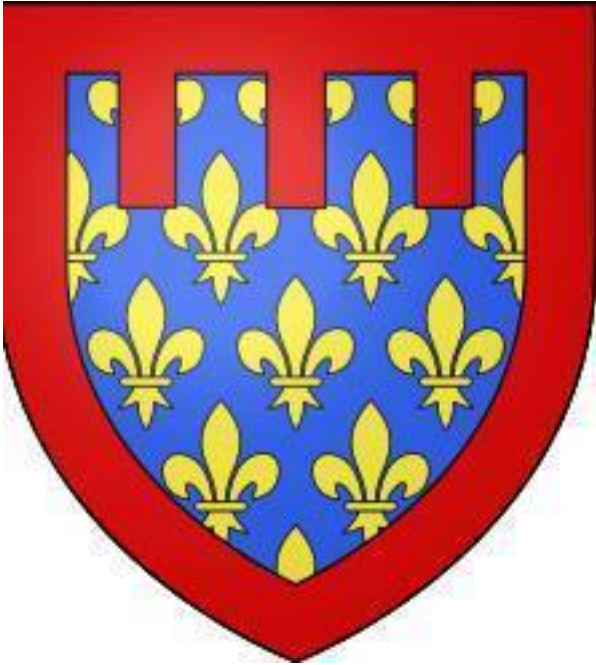
Королевский врач видел такое первый раз. Ни одна болезнь в медицине не могла объяснить, что происходит. Тело короля остывало. На месте сердца жутким цветком из сосудов и вен расцвёл, словно кровоподтёк, цветок, что полностью повторял родовой герб семейства Валуа. В середине цветка из вен наблюдалась пульсация. Иногда она затихала, иногда возобновлялась с такой силой, что казалось, струйка крови хочет выбраться через кожу.

Королева уже готовилась к траурной церемонии. Врачи прогнозировали максимум два дня. Герцог Орлеанский был печален, как никогда ранее. Это был не просто его брат по крови, он действительно очень любил короля.

Все церкви, соборы, храмы в городе были открыты и любой мог молить о здоровье короля. Закрытой стояла лишь синагога. Рассудили, что молить о здравии короля людям дру-

гой веры не правильно. Но раввин синагоги выпросил возможности также непрестанно молить о здравии короля для своих прихожан.

Горожане стали потихоньку собираться у крепости, приносить цветы и свечи.

Герб рода Валуа.

Цветок на груди короля становился бледнее, тело его достигло невероятно низкой температуры, черты лица обострились. Траурная повозка была готова со всеми почестями доставить его в Париж.

Королева пришла проститься со своим пока ещё живым мужем прежде, чем врачи диагностировали бы его смерть. Она припала к его рукам губами и тихо заговорила:

– Ты был для меня самым лучшим мужем, самым лучшим мужчиной в мире. Я не знаю такой болезни, ради чего ты отдаёшь свою душу. Но зная, какой благородный ты человек, с какой чистой душой и помыслами, я верю, что твои страдания не совершаются во благо темных дел. Я не знаю, как жить без тебя. Как жить, не любя тебя. Мне так жаль, что не все мы успели с тобой сделать. Я бы жизнь отдала за тебя. Господи, прошу тебя, не отнимай у меня любовь! Услышь меня, Господи! Оставь моего мужа живым и мы через год подарим тебе дочь или сына, коим суждено будет посвятить свою жизнь служению тебе.

Неизвестно, какая из сил, страстная любовь Королевы или же мольба о здравии из уст всех французов, сработали.

Через пару часов после посещения Королевы врачи стали яснее слышать биение королевского сердца. Цветок из вен окончательно пропал. Температура тела повышалась.

Проспав ещё сутки, король открыл глаза. Он не помнил ничего. События последних пяти месяцев просто выпали из его памяти. На герцога Орлеанского выпала нелегкая мис-

сия – рассказать королю о всех происходивших с ним безумствах. Герцог решил смягчить удар, сокращая количество пострадавших с двадцати двух до четырёх. Про неприличные жесты герцог аккуратно сказал фразу про глупое поведение. Король был шокирован, расстроен. Назначил всем пенсии, велел поддерживать вдов и детей.

Врачи требовали его возвращения в Париж. Дома ему и стены помогут, рассуждали они. И действительно, по приезде домой король быстро пошёл на поправку. С картин на него больше не смотрели чудовищные лица. Изабелла делала все возможное, чтобы выполнить обещание данное Богу. И только маленькая точка из лопнувшего на груди сосуда могла напоминать о происшедшем.

Первый приступ был позади.

Глава 2

Январь, 1393 год.

Париж, дворец Карла VI Влюбленного

Королева Изабелла сидела в своём будуаре и размышляла. Она дала слово Господу Богу, что они с королём подарят миру будущую невесту Господню или же постригут своего будущего сына в монахи. Но вот уже полгода королева никак не могла забеременеть. Эти мысли заставляли её грустить. Слишком много тёмного было ещё в прошлом, было ещё не забыто.

Тем временем, весь двор готовился к свадьбе любимой королевской фрейлины Катерины де Фатоврен. Свадьба была назначена на 28 января. Королева улыбнулась своему отражению в зеркале, поправила тонкую нить жемчугу на своей шее, встала и, шелестя юбками, направилась к Катерине, чтобы посмотреть, насколько справились портные с работой над свадебным нарядом.

Катерина была с ней с первого дня в Париже. Они сразу нашли общий язык и очень подружились. Долгое время Изабелла мечтала, что Оливье де Клиссон станет отличной партией фрейлине, но той он совсем не нравился. В итоге фрейлина остановила свой выбор на рыцаре из Вернандуа. Королева Изабелла была рада и такому раскладу событий. Одна-

жды она уже выдавала свою милую фрейлину замуж. Семейное счастье продлилось меньше двух месяцев – муж Катерины погиб от ранения на улице. Его пытались ограбить, молодой мужчина оказал сопротивление и в результате отдал самое ценное – свою жизнь. Катерина долго носила траур, пока добрые глаза рыцаря Бертрана из Вернандуа не отогрели её душу.

Поскольку Катерина была вдовой, её свадьбу следовало играть не традиционным образом, а давать бал шаривари.

Шаривари играли не только вдовы и вдовцы. Шаривари также устраивались для молодожёнов, которые имели большую разницу в возрасте, для беременных дам, что посмели на свадьбу одеть белое платье, для неравных браков, для неверных ранее супругов. В этой традиции смешивалось веселье и высмеивание, имели место грязные приставания и пошлые шутки. Поскольку крестьяне в шаривари заходили за пределами далеко, было несколько случаев драк и смертей, церковным синодом шаривари были запрещены.

Но королю, выросшему на зрелищах запретить что-то было трудно.

Всем гостям велено было быть одетыми в специальные веселые маскарадные костюмы. Громкий смех, веселые танцы со всевозможными пируэтами, грохот посуды, по сути это все напоминало весёлое ребячество, можно было веселиться, как в юности, совершенно не боясь показаться смешным.

Бал маскарад был назначен на 28 января.

О своём костюме Карл VI позаботился заранее. Ещё вечером 27 января он предложил своим друзьям, с которыми они только вернулись с охоты и пили не первый бокал вина, свою идею:

– А давайте нарядимся дикими людьми! Такими, как были в древности! Вот будет смеху!

– Да! Мне нравится, мне определённно нравится! – откликнулся на призыв короля граф де Жуаньи, – все будут пастухами и свинопасами, а мы будем черными людьми!

– Не черными, а дикими! Можно будет танцевать невероятные танцы! – королю определённно нравилась его идея.

– А давайте ноги будут босыми! И мы на них ещё цепь оденем! А Король, словно взяв нас в плен, поведёт к Катерине и Бертрану! – предложил Ивен де Фуа.

– А как мы будем танцевать?! Как исполнять ритуальные танцы? Как будто мы поклоняемся некоему идолу! – Эймар де Пуатье вскочил и начал выполнять подобие ритуальных танцев. При этом он издавал звуки, что сродни звукам, издающим быками на лугу.

А Гуго де Гисе вообще вскочил, подлетел к камину, нашёл около него кусочек золы и стал вымазывать своё красивое тонкое аристократическое лицо.

Смех стоял на весь замок, казалось, король был счастлив, как ребёнок. Его друзья и слуги обожали такое поведение короля, его искренне все любили и хотели приносить ему радость.

– Давайте соберёмся завтра, а за ночь чтобы все придумали, как нам быть похожими на древних людей! А теперь всем спать!

У короля было великолепное настроение, и спать он совсем не хотел. Он хотел видеть свою любимую Изабеллу, целовать её нежную кожу на белоснежной шее, на которой сегодня так красиво лежала нить жемчуга. В прекрасном настроении он застал её в спальне, она готовилась ко сну. На взбитых подушках лежали её расчесанные волосы.

– Дорогая моя, я пришёл к тебе.

– Карл, мои уважаемый и любимый муж. Я прошу тебя, давай сегодня мы проведём ночь не за плотскими утехами. Я чувствую себя не очень хорошо, завтра большой и насыщенный событиями день. Завтрашняя ночь будет незабываемой, обещаю тебе – Изабелла умела не только уговаривать, но, благодаря своему кокетству, разжигала пламя в душе короля ещё больше.

– Ох, Изабелла, что ты делаешь со мной. Ты заставляешь меня мучить мой дух, терзаешь его. Завтра я хочу получить все, моя королева. И отказа я не приму.

Королева потрепала Карла по его непослушным волосам. Она была очень горда, что в мужья ей достался такой красавец. Несмотря на то, что в будущее Изабелла смотрела с некой тревогой, брак с Карлом был очень удачным для неё. Для особ королевских кровей так сложно выйти замуж и при этом действительно испытывать чувства к своему супругу.

Ещё несколько мгновений поразмыслив, что может стоить и оставить мужа в своей спальне, королева подарила ему самую лучшую из своих улыбок и пообещала:

– Завтрашнюю ночь ты не забудешь никогда.

Король, одухотворенный такими разговорами, пошёл в свою спальню продумывать свой грандиозный наряд на завтра.

Ему очень нравились свадьбы, пиры, охота. Когда Карл веселился и танцевал, когда много света освещало дворец, настроение и самочувствие короля были на высоте.

Так началось и 28 января. Карл проснулся уже с улыбкой на лице. Он предвкушал отличный вечер.

Новобрачные должны были разместиться на подиуме, сколоченном из досок и обитых красным бархатом. Для их посадки были выделены кресла из кабинета короля и дамское кресло, специально изготовленное для королевы Изабеллы для приятного чтения и рукоделия.

На столах красовалась разнообразная солонина, было многопряного вина, полностью отсутствовал этикет королевского обеда. Традиционные горячие блюда не подавали, так как король распорядился к ложе новобрачных проложить дорогу, по правую и левую сторон которой разместили кастрюли и ложки. В кастрюли, по задумке короля, стоило стучать всем выстроившимся в живой коридор.

Со своими друзьями король назначил встречу в королевской конюшне. Сопровождаемый пажом, он прибыл в ко-

нюшню в великолепном расположении духа.

Там его ждали уже слегка продрогшие Ивен де Фуа, граф де Жуаньи, Эймар де Пуатье, Гуго де Гисе.

– Мёрзнете, господа?! – воскликнул король, – а я принёс вам великолепного бургундского для того, чтобы прогреть ваши тела. Ух, сегодня будет жаркая ночь! Выпивайте же и раздевайтесь!

– Как?! Догола? – Эймар де Пуатье веселился.

– Вот именно до гола! – отвечал король.

– Вы шутите, мессир?

– Отнюдь! Я придумал великолепные костюмы для нас! Раздевайтесь же, право, моё королевское терпение не безгранично.

Конюхи стояли поодаль и смотрели за происходящим, разинув рты.

Пятеро мужчин снимали с себя одежду, причём одним из них был их король.

Дальше из корзины, что была у пажа, извлекли парочку бургундского, оказавшегося достаточно крепленным. Также паж достал несколько кусков сыра и мягкий хлеб только из печи. Мужчины пили прямо из бутылки. Вино немедленно было распито, хлеб и сыр остались почти нетронутыми.

Король при этом, прикрывая его королевское достоинство руками, уже открывал амбар с сеном и овсом для его великолепных лошадей. Там же стоял обоз, в котором обычно перевозили его вещи во время походов и путешествий.

Король схватил один из мешков с овсом, благо сил у него было хоть отбавляй, и высыпал овёс в обоз. Прделав прихваченной кирасой дырки в дне и парочку справа и слева, король одел мешок на голову. Получилось подобие платья из мешковины, которое едва прикрывало то, что бережно он прикрывал руками. Его друзья в это время просто укатывались со смеху, все четверо они ринулись делать то же самое. Но изобретательность короля на этом не остановилась. Увидев моток пакли для отделки конюшни, король просто по-мальчишески взвизгнул.

– Смотрите, смотрите, пакля!!! Сделаем из неё волосы! У всех древних людей был удачный запах и грязные волосы!!! Конюх, тащи сажу из печи!

Все начали придумывать, как же сделать себе волосы из пакли.

Тут лучшее изобретение было за Гуго де Гисе. Он придумал смотать паклю у себя на голове нитями и под подбородком, оставив только прорезь для глаз. Казалось, что он воистину древний человек с большой и грязной бородой.

А вот у короля его непослушные волосы никак не принимали нововведений. Граф де Жуаньи, извиняясь перед королём, предложил ему вымазать волосы глиной – на их удачу как раз рядом стояло ведро разведённой глины – она должна была отправиться в гончарную мастерскую. Получился шедевр парикмахерского искусства – волосы короля были оранжевые, разделённые словно на несколько частей и торчали,

словно на шапке шута рожки.

Мужчины хотели было подпоясаться, да не смогли, платья поднимались так, что дамы точно попадали бы в обморок от увиденного.

Эймар де Пуатье не остался в стороне и тоже придумал своё видение пещерного человека. Он взял уголь и натер им зубы и десны. Издревна известно, что уголь не страшен для организма, а в некоторых случаях даже и полезен. Рот его стал черным, зубы пугающе торчали, между ними, казалось ничего не было.

Босые, грязные, пьяные и счастливые, они побежали в замок.

По дороге, проходя мимо курятника, Ивен де Фуа, не желающий отставать от друзей, надумал поймать курицу, убить её и сделать себе декор из перьев. Пытаясь догнать её, босой, он поскользнулся и упал, ткань на его могучем плече сначала угрожающе треснула, а потом и вовсе порвалась, под ней виднелся хороший синяк и были видны капли крови.

Король поморщился:

– Ивен, мой дорогой друг, не стоит отнимать жизнь у живого существа. Тем более же не показывайте мне кровь, воротит от неё. Хотя, теперь у вас действительно вид пещерного человека. – король быстро сменил гнев на милость и хлопал Ивена по плечу.

Пятёрка вошла во дворец и оттуда, щипаясь и перекрикивая друг друга, добежала до залы.

Гости постарались. костюмы присутствующих были настолько здорово продуманными, что трудно было понять, кто же это перед тобой. Все смеялись от души, когда удавалось различить между прибывающими персонами знакомые личности. Кто-то был волком, кто-то свинопасом, кто-то звездочётом.

Жан Жювеналь дез Юрсен, что трудился при дворе адвокатом, был человеком строгих правил и жёсткого нрава, выплясывал неприличные танцы в костюме конюха, да так, что парочку раскрасневшихся от смеха фрейлин пришлось выводить на балконы. Поскольку он был известным дамским угодником, вполне возможно, что именно на это он и рассчитывал.

Шаривари с французского переводиться, как кошачья песня. Неудивительно, что дамы нарисовали себе кошачьи усики. Некоторые прикрепляли себе хвостики на платье, а некоторые даже на голову кусочки из шерсти, они торчали прямо из волос и смотрелись как ушки.

Вошедшая пятёрка произвела фурор. Герцог Орлеанский, одевшийся в королевского пажа, просто ахнул от восторга, увидев короля со свитой. Он принял их за друзей Бертра-на, поскольку не мог подумать, что утончённая душа короля позволит на своё королевское тело нацепить подобное. Схватив факел со стены, герцог помчался к только что вошедшим гостям.

На пути шествия пятёрке встретилась одна замечательная

особа – прекрасная герцогиня Беррийская. Король Карл VI всегда питал к ней тёплые чувства. Её мягкая красота словно подсвечивалась изнутри нежной и чистой душой. Всегда приятная улыбка, всегда нежные локоны – девушка эта отражала образ нежности и женственности. Если Изабелла была сродни итальянскому вину – терпкая, будоражащая, темная, то герцогиню можно было сравнить с парным молоком. Король испытывал к ней добрые сестринские чувства.

Подойдя к герцогине поближе, Карл обрадовался, она его ещё не узнала.

Гости практически все уже собрались, скоро должны были явиться молодожёны в сопровождении небольшого табора цыган.

– Вечер добрый, прекрасная герцогиня, – король немного поменял голос, чтобы быть ещё более не узнаваемым, – даже дикий человек становится разумным при виде Вашей красоты.

– Благодарю Вас за комплимент, а Святой дух – за данное мне, – слегка смущаясь, ответила прелестница, – но я совсем не могу понять, кто же передо мной.

– У Вас есть целый вечер, чтобы понять, кто же перед Вами.

– У прекрасной дамы есть, но я не смогу! Меня разорвёт на кусочки, если срочно, сию же секунду я не отгадаю, у кого самые лучшие костюмы на шаривари! – герцог Орлеанский наконец -то добрался до пятёрки ряженных, – покажите же

Ваши лица, я хочу знать!

С этими словами герцог поднёс факел к лицу Гуго де Гисе.

Пакля, из которой Гуго сделал себе парик и бороду, воспламенилась так быстро, что первые пять секунд никто не мог понять, что же произошло. Вместо головы Гуго появился большой огненный шар, посередине которого была щель, раньше принимавшая пищу и целовавшая женщин. Из этой щели вырывался крик боли и отчаяния. Голос было слышно всего несколько секунд, потому как от шока Гуго лишился сознания.

Но самое страшное было впереди. От вида воспламеняющегося Гуго его ряженые друзья не убежали прочь. Наоборот, словно бабочки, летящие на свет, они прильнули к нему поближе, не веря своим глазам. Это и стало их роковой ошибкой. Эймар де Пуатье, подхвативший от Гуго маленькую искру, вспыхнул следующим. Но он, в отличие от Гуго, решил не мириться с судьбой. Он стал хватать всех, кто попадался ему под руку, пытаясь спастись и призвать на помощь. Первым ему попался Ивен де Фуа, пламя лизнуло его, и ещё один живой факел стал носиться по залу в поисках помощи. Часть гостей принимало это как развлекательную программу, некоторые даже смеялись. Ивену де Фуа, на которого попало несколько искр, повезло больше всех – пока он бегал за курицей, он извалялся в грязи, снегу и растерял паклю с головы. Это и спасло его от гибели. Единственная травма, полученная им в тот злосчастный день, это огром-

ный ожог на руке. Ивен в ужасе смотрел на мучения любимого друга Эймара, пытаясь потушить его вином, не замечая собственной боли, когда друг последний раз схватил его за предплечье. Все больше и больше людей охватывало пламя.

Ну а что же король? Когда голова Гуго превратилась в огненный шар, король впал в оцепенение. Только губы его шевелились, и, если бы не страшные крики, можно было бы услышать:

– Опять... Снова... Проклят... Проклят... Плохая кровь... Горе... Несчастья... Этот день никто не забудет... Снова демоны, снова они...

Бледный король стоял рядом с герцогиней Беррийской, готовый упасть в обморок. В его глазах плясал свет пламени и ужас от происходящего. Молодая герцогиня, несмотря на нежный возраст и юную душу, оказалась не по годам мудра.

Она быстро приподняла свои многочисленные юбки и крикнула в ухо королю!

– Немедленно сюда!

Король, ноги которого и так подкашивались от увиденного, упал на четвереньки и схватился за белые стройные ножки герцогини.

В этот момент в зал вошёл Оливье де Клиссон. Он не любил шаривари, не был одет подходящим образом, зато оценивать ситуацию он умел лучше всех других.

Увидев, как герцогиня смело прячет короля под юбкой, горящих и орущих людей, он мгновенно рассчитал траекто-

рию, которая позволяла бы ему дойти до герцогини и обеспечить её и королевскую сохранность. На его счастье из запасной двери рядом показалась горничная с кувшинами с водой, которая как раз хотела поставить их на стол. Оливье схватил кувшины и в пять больших шагов оказался около герцогини.

– Простите герцогиня, – быстро извинился Оливье и облил её водой с ног до головы.

Герцогиня молча кивнула головой Оливье, чуть залившись румянцем. Под юбкой у неё был король, а Оливье был её предметом девичьих грёз.

Король же так бы и сидел, обняв ноги герцогини. Под юбками было тепло, пахло приятно, не доносился шум и крики, не было света. И страшных вспышек пламени. Пакля горела очень быстро, сначала она вспыхивала, все мгновенно превращалось в труху, обожженные волосы и остатки пакли летели на мешковины и воспламеняли дикие платья, обнажая краснеющую кожу, становящуюся бурой, с проглядывающими в некоторых местах костями. Платья эти и паклю придумал он, король. Именно он и виновен в этой страшной трагедии. Прижавшись к ноге сильнее, король хотел было завывать, но тут юбка и ноги устремились вперёд.

"А вдруг она тоже ГОРИТ?" Промелькнуло в голове у короля.

Ужас, который обуял короля при этом заставил его схватиться за подол, и уже король вел герцогиню.

Вот они уже у двери, Оливье Клиссону пришлось пару раз

поорудовать своим клинком, пробивая им дорогу среди полыхающих людей. Несколько мужчин выбивали большое окно лавкой, чтобы спрыгнуть на белый снег. Не всем удалось удачно приземлиться, после чего снег под окнами королевского дворца приобрёл чёрно-красный окрас от сажи и крови.

Воняло вином, паленым мясом, жженой паклей, кровью. Хуже запах сложно было придумать на свете, то был запах страшной беды.

Камердинер подхватил короля, коннетабль увидел успешшего выбежать герцога Орлеанского и внутренне перекрестился. Слава Богу, все живы.

Король был немедленно доставлен в свои покои. Слуги помогли ему переодеться, отмыли его тело и лицо. Врачи осмотрели его и не нашли ни одной ссадины или ожога. Для его успокоения решено было пригласить к нему его самого любимого человека – Королеву Изабеллу. Для того, чтобы не напоминать мужу о случившемся, она быстро сняла с себя приготовленный для шаривари наряд и отправилась в его спальню.

Мягкой поступью она подошла к его кровати. Король плакал, его крупные плечи сотрясались.

– Я виноват, я! Только я! Как я мог это допустить?

Королева нежно обняла его.

– Что ты говоришь, мой любимый? Чем же ты виноват?!

Коннетабль рассказал мне все, ты ни в чем не виноват! А

герцогиня Беррийская, она святая девушка!

– Я виноват. Я проклят. Мне все время снятся страшные сны. Помнишь, мне было плохо? Это моя кровь. Моя кровь кипит. В ней живёт кто-то.

– Ты устал. Ты немного выпил вина. Тебе сложно сейчас. Но не стоит гневить Пресвятую Деву и Господа Нашего Бога, ничего ты не проклят.

Король уставился на Королеву. За несколько секунд в нем произошли невероятные изменения. Лицо стало хищным, глаза сузились, губы дёрнула улыбка. Король достал язык и медленно, похотливо провёл им по губам. Его поведение было настолько отвратительным и неуместным, что Изабеллу передернуло от отвращения. Она собралась было от него уходить, но высокий и статный, он схватил её за горло и повалил на кровать.

– Карл, милый, прошу Вас. Сейчас совсем не время и не место. Давайте не будем. Вы делаете мне больно, очень больно.

– А как же незабываемая ночь, моя дорогая королева? – спросил с жуткой издёвкой король, – Ты обещала мне её. Моя ночь действительно уже незабываемая. Теперь пришла твоя очередь.

С этими словами король одной рукой ещё сильнее сжал её горло. Королева почти задыхалась, а он все не мог остановиться. Другой рукой он раздевал её, срывая тонкое шелковое платье, ткань поддавалась не сразу, оставляя кровопод-

тёки и ссадины. Это было только начало мучений Изабеллы. Соорудив из её белья кляп для рта, он связал её, чтобы истязать. Насилие продолжалось всю ночь.

Слуги подходили несколько раз к двери, но, не услышав звуков голосов, не решались войти, чтобы не потревожить королевский сон.

С утра слуги обнаружили, что дверь в королевские покои приоткрыта.

Королева была избита настолько, что не подавала признаков жизни.

Король, непостижимым для всех образом, куда-то исчез.

Ровно через 8 месяцев на свет суждено было появиться их дочери Марии.

Но это, если значительно заглянуть вперёд, а ведь у нашего читателя возникнет вопрос, куда же делся король?

День был потрачен на его поиски, и вот в самой дальней башне, в подземелье, один молодой страж услышал вой и страшный скрежет. Он побоялся идти туда один и не зря.

В ночной рубашке, уже достаточно несвежей, на полу сидел король и ложкой соскребал с откуда-то взявшейся там посуды герб рода Валуа.

На все вопросы он отвечал невнятно, совершенно не помня, где он и что с ним.

Как он оказался в закрытом снаружи подземелье, тоже было совершенно не ясно.

Карл отрицал себя, свою королевскую кровь, свой род Ва-

луа, про Изабеллу не помнил и вовсе.

Когда его попытались вывести из подземелья, он стал кушать и быть королевскую охрану, да так, что один страж чуть не лишился уха, а другой глаза.

Герцог Орлеанский, руководящей спасательной операцией, решил, что жертв достаточно. Заживо сгорели 22 человека, королева была почти при смерти.

Карл отказывался выходить из помещения, требуя только дать ему угли, чтобы он мог "дать волю мерзким червям, что живут под его кожей". Все приняли это за помешательство от пожара. Ему было предоставлено ведро угля, еда, вода, стекающая по трубе, стол и скамья, приколотенные к полу. Решетка, ведущая в логово короля, что сходил с ума, была усилена, 4 охранника стали сменяться каждые 12 часов.

Город хоронил жертв, королева приходила в себя, а король все прибывал в своём подземелье. Ровно через три недели стража услышала его голос:

– Завтра откройте меня, я буду готов. Да, и пригласите ко мне художника. Жакмена Грингонье.

Глава 3

Париж, мастерская Жакмена Грингонье.

Февраль, 1393 год

Как Жакмен не хотел брать этот заказ. В мастерской и без него было так много работы. Но 56 су для Грингонье были просто огромные деньги. Многочисленные налоги с каждым годом лишь усиливали его необходимость браться за любой заработок. Туши и темпура стоили баснословных денег, а ещё надо было кормить семью и четырех подмастерьев. Да и отказывать королевскому двору – непростительная роскошь. Про короля после последнего его помутнения, ходили очень страшные слухи, не хотелось бы остаться без головы.

Солнце сегодня светило ярче прежнего, пели птицы, но, не доверяя обманчивой погоде, Жакмен взял свою накидку на случай дождя и отправился во дворец.

Сейчас камердинер расскажет, как надо героически изобразить короля. Придумаем гравюру, которая должна будет символизировать его храбрость и силу, возможно, как сильный король убивает дракона, или восседает на троне.

Грингонье успокаивал себя этими мыслями. Но в душе мерзким и тонким голосом, где-то под кожей тонким липким потом начинал выделяться страх. Он подкатывал к желудку, одновременно требуя еды и предупреждая, что готов выдать

завтрак наружу. Страх что-то шептал, как шепчут бабки перед смертью, что-то знакомое, но непонятное.

Но что могло случиться? Жакмен слыл отличным художником, редко кому так улыбалась удача.

Его дело было востребовано, его подмастерья трудились, не покладая рук, его работы были лучшими и выполнялись точно в срок. Королевский двор призвал его для выполнения задания, что может быть лучше?

Но сердце ныло от тяжести и нежелания двигаться дальше, наполняя, казалось, загустевающей с каждым шагом кровью, ноги.

Камердинер сопровождал Жакмена уютный кабинет и велел ожидать.

Тяжелые двери распахнулись, и в кабинет вошёл сам Король. Сказать, что молодой мужчина выглядел плохо – ничего не сказать. Король не отрывал взгляд от пола, его глаза бегали, волосы были взъерошены, щеки впали, руки тряслись.

И тут пульсация сердца и внутреннего голоса в теле Жакмена достигла апогея и он чётко услышал: **ЭТО ТВОЯ ПОСЛЕДНЯЯ РАБОТА.**

Король меж тем присел на краешек своего богатого кресла, начал ерзать, как маленький ребёнок, что-то лепетать и вдруг остановился, поднял измученные глаза на Грингонье и принялся смотреть на него, не моргая. Пауза длилась минуты три, было слышно, как шуршит юбка сопровождающей короля милой молодой Королевы Изабеллы.

Король заговорил достаточно сухо:

– Необходимо выполнить заказ. Нарисовать 22 картинки, небольших размеров. За это заплачу 56 су. Заказ надо выполнить за 2 недели. Мой слуга отведет тебя, покажет, что мне нужно.

Тут же Жакмен ощутил, что чьи-то холодные пальцы взяли его за локоть достаточно крепко. Развернувшись, он увидел мужчину, уже достаточно немолодого. Крепкий, невысокий, с тяжелым взглядом из-под бровей, со стиснутыми губами, пытающимися изобразить подобие улыбки, он был ещё одним устрашающим звеном этой цепочки.

Король оставался также сидеть в своём кресле и смотреть в пол, а Жакмена тем временем уже дотащил за локоть до дверей слуга. Жакмен не молвил и слова, не поприветствовал и не попрощался с королём, что, безусловно, нарушало все возможные нормы этикета.

Слуга нес перед собой свечу, которая освещала дорогу. Вот они прошли по роскошному залу почти бегом, свернули в коридоры. В замке было достаточно темно, неприветливо. Стены украшали тяжелые канделябры, иногда портреты предков, гербы. Жакмену было страшно, но и одновременно очень интересно.

И вот лестница с тяжёлой кованной дверью- решёткой. Перед ней караул из 4 стражников.

Может быть, король хочет делать опись своих драгоценностей? Жакмен ничего не понимал.

Слуга коротко кивнул головой, стражи расступились, тяжёлая решетка пошла в сторону.

Слуга стиснул свои ледяные, жёсткие пальцы, словно состоящие из желваков или огромных суставов, развернул к себе Жакмена и смердящим могильным запахом ртом молвил, не шевеля губами:

– Расскажешь кому – вся семья останется без глаз. Залью кипящую смолу. Иди вниз, слева комната. Там найдёшь рисунки.

Жакмен кубарем скатился вниз, решетка захлопнулась, лязгнув засов.

Глаза привыкали к темноте недолго, ведь он шёл почти вслепую за слугой со свечей по довольно тёмным коридорам. Это было помещение с огромными, метров в пять высоту потолками. Не сказать, чтобы помещение было большое – оно имело круглую форму, в ширину не превышало и 10 метров. Под потоками было проделано крошечное окно на улицу.

Свет из окна падал на стол, где лежали куски бумаги, и много печной золы. Рядом со столом стояла массивная скамья, настолько тяжёлая, что Жакмен не смог сдвинуть её с места.

На столе виднелся огарок свечи. Где-то в углу слышался запах выгребной ямы и капала вода. Где он находился, Жакмен не мог понять, так как стены утопали в темноте. Что ему рисовать? Стол? Совершенно не ясно...

Жакмен лёг на скамью и стал смотреть на танец пылинок в

лучах света. Веки тяжелели и взгляд его постепенно с пылинки и лучика света переместился на стену около окна, спускаясь все ниже и ниже.

И тут он увидел. От ужаса Жакмен заорал так, что у стоящей стражи, казалось вылетят перепонки. Так кричат люди на поле боя, увидевшие, как их друзей разрубают на части. Так кричит мать, чей ребенок только что попал под копыта лошади, и его больше не спасти. Так кричат только от ужаса, резкого, неожиданного, обрушивающегося.

На Жакмена из тьмы смотрели различные образы, которые были начерчены золой и кровью.

Самый большой был образ дьявола, в чёрном капюшоне, с мерцающими глазами. Рядом стояла Смерть, виднелась виселица, на которой достаточно веселый паренёк держал мешки, скорее всего, с золотом. Разрушенный замок был левее.

Но больше пугало то, как были выполнены эти настенные зарисовки. Казалось, безумец не мог остановиться во время выполнения рисунков на стене, и чтобы не останавливаться, дорисовывал их кровью.

Образы представляли собой картины, находящиеся на небольшом отдалении друг от друга.

Кое-как Жакмен разжег свечу и стал рассматривать эти записки сумасшедшего. То, что эти рисунки на стене выполнил сумасшедший король, не вызывало у него ни малейшего сомнения.

Жакмен медленно исследовал пространство комнаты.

Картинки на стене были разные. Вот пара нежных влюблённых, вот звездочёт с Луной, вот женщина ломает колонну... Как связаны они с собой? Что этим хотел сказать автор?

Жакмен вспомнил, что уже видел, как начинающий у него подмастерьем один художник впадал во время работы в состояние, близкое к помешательству. Тот парень также писал, пока краски не разъедали кожу на его пальцах. После того, как он заканчивал работу, он приходил в себя. Тот взгляд подмастерья был один в один, как взгляд сумасшедшего короля. В нем читались полнейшая растерянность, кротость, страх за содеянное. В то время, когда писал, казалось это был сущий дьявол, даже голос менялся у того паренька. Он проработал совсем недолго, а потом просто куда-то пропал.

И тут Жакмена осенило! Спасение! Надежда есть! Он схватил золу со стола и стал делать наброски, чтобы поскорее покинуть это страшное место, от которого так и веяло смертью, безысходностью и могильником.

Глава 4

Париж, мастерская Жакмена Грингонье.

Февраль, 1393 год

Жакмен Грингонье лихорадочно срисовывал сюжеты со стены.

Практически все ему было видно и понятно, и 21 лист был заполнен рисунками.

Единственное изображение, которое ему было не совсем понятно, находилось практически под потолком. Жакмен даже не понимал, то ли это изображение, то ли это причудливая игра тени и света. Если это действительно был рисунок, то он находился на такой высоте, на которую невозможно было забраться без стремянки или без лавки. Жакмен попробовал сдвинуть лавку снова, и тут увидел, что она прикована к полу. На лавке видны были следы, словно кто-то металлическими крюками царапал по ним. Присмотревшись повнимательнее, он увидел, что из царапин вырисовывается надпись (дурак).

Все это место было ему непонятно, неприятно, он отдал бы почти все, чтобы быстрее оказаться вне этих стен.

Оставив попытки понять, изображение ли это, или же уже галлюцинации, Жакмен стал искать ступеньки лестницы, по которой он скатился вниз. Выемка в стене обнаружилась,

пальцы Жакмена стали жадно нащупывать ступени, он был достаточно стройный и сильный, всего пара движений – и вот он уже полз по лестнице вверх по направлению к металлическим решеткам.

У стражи было тихо, слышался тоненький звук посапывания. Жакмен стал колотить в решётку:

– Стража! Стража! Открывай! Зови слугу! Я сделал наброски, я готов приступить к работе! У меня не так много времени!

Страж от неожиданности пополз по стенке и даже присел:

– Так ты жив! Как же ты обошёлся неделю без еды? Когда ты заорал, мы думали, ты умер!

– Неделю? Ты путаешь меня! Меня засунули сюда вчера!

– Ты Жакмен Грингонье?

– Да, все верно!

– Поздравляю! Ты тут уже неделю. Сегодня вечером мы планировали спускаться за твоим трупом.

Огромная решетка поплыла в сторону и замерла на середине.

Страж боязливо спросил:

– А ты точно выходишь один?

– А я что, был там не один?!

– Разное рассказывают. Выходи. Помни про глаза. За рассказы я сам вырву из твоей глотки ещё и язык. Зайди за темпурой, тушью и бумагой. Возьмешь, сколько нужно. Красная дверь у выхода.

Жакмен, казалось, понимает и знает все коридоры замка наизусть. Без труда он нашёл необходимую дверь. Там его уже ожидали тяжелые свертки с дорогой темпурой, красками, тушью, и листами невероятной бумаги.

Выйдя из двери, он наткнулся на зеркало. На него смотрел совершенно седой безумный старик, похудевший на четверть его веса.

Жакмен посмотрел незнакомцу в зеркале в глаза и твёрдо решил – он выживет, он не сдастся. Он знает путь спасения!

Через 10 минут он уже вбежал в свою мастерскую.

Подмастерья не узнали Жакмена, приняли его за попрошайку и хотели уже выгнать, но он ловко подскочил к столам, смел с них все, от витражной мозаики до портрета герцога Орлеанского и загрузил тушью, бумагой, темпурой. Совершенно непонятно, как он это донёс. Совершенно непонятно, где был их хозяин, что с ним произошло. Но все чувствовали, вчерашняя безмятежность и любимая работа сегодня стала недоступной роскошью.

Жакмен побросал все на стол, подбежал к молодому парню по имени Оливье, взял его за грудки и стал трясти.

– Где он?! Ты знаешь? Где мне его найти?! Я хочу жить, я хочу жить!

– Да кого же, Мастер! Что произошло?!

– Мне. Нужен. Тот. Сумасшедший. Парень.

Оливье сразу понял, речь о Гийоме. Вот уж действительно, кого он не хотел вспоминать, его работа нагоняла жути.

– Мастер, я слышал, он расписывает свод где-то на севере города.

Жакмен ещё крепче вцепился в подмастерье и почти прорычал:

– Отведешь меня к нему. Сейчас же. Вопрос жизни и смерти. Всем остальным по домам до начала следующего месяца.

Через мгновение они уже оказались на улице и резво понесли к северной части Парижа.

Чутьё на уровне звериного инстинкта привело Жакмен и Оливье в нужный собор.

Гийом сидел на козлах, и, казалось, спиной почувствовал приближение мастера.

Не успел Жакмен открыть рот, как Гийом не поворачиваясь, ответил:

– Я готов. Они снились мне уже год. Материалы готовы?

Жакмен был страшно удивлен, откуда Гийом уже все знает, но решил отложить выяснение подробностей, сначала нужно выполнить заказ.

– Гийом, все готово, все ждёт тебя. Я хорошо заплачу за эту работу. У тебя будут любые материалы. У нас не так много времени.

Гийом, слезая со сколоченных наспех досок, горько усмехнулся:

– Не так много времени? Ты всерьёз думаешь, что это оставит нас живыми?

Жакмен слышал этот вопрос внутри себя, его нашептывало сердце, и он умолял сердце замолчать. Вера в Божьи законы и справедливость взяли верх, и Жакмен решил, что судьба его просто проверяет, но никак не может его лишить всего.

– Мы должны в это верить. Мы должны пробовать. Иначе зачем ты идёшь со мной?

– Мастер, я иду не за тобой. Я иду своей судьбой. Сегодня судьба будет вершиться в твоей мастерской. Отвори мне дверь и дай материал. Через 7 дней придешь за своей работой.

Жакмен воспринял это, как знак удачи. Он мечтал выспаться в своей кровати, перед этим поесть в своей любимой таверне, выпить хорошего вина. Он мечтал не делать этот заказ, и вот удача – этот странный парень сделает все сам. Было похоже, что жизнь потихоньку налаживалась. На радостях он выдал Оливье 1 су, и, почти вприпрыжку от радости, побежал в сторону мастерской.

Если бы Жакмен услышал в этот момент голос своего разума, возможно, ход истории был бы совсем другим. Но разве жизнь даёт нам возможность испытать «если бы»? Жакмен в состоянии эйфории совершенно не подумал, что же он будет делать, если Гийом не выполнит работу точно в срок, ведь времени у него не останется совсем.

Неделя пролетела для Жакмена ещё незаметнее, чем неделя в заточении. Он ел, пил и спал, только чтобы забыть эти

отвратительные стены, лавку, свет под потолком. На пятый день ему пришла в голову идея посетить венецианскую куртизанку, о мастерстве которой ходили легенды в Париже. Жакмен наслаждался жизнью, он был похож на человека, получившего в наследство деньги, только вместо монет у него было ощущение счастья. Сначала счастья много, потом, с каждым днём оно таяло, заставляя Жакмена вспоминать о том, что есть мастерская, что там работает Гийом. Он гнал от себя дурные мысли и продолжал есть и пить. Но скребущие напоминания и утро самого тяжёлого похмельного 7 дня настали. Сегодня должен быть готов заказ. Сегодня ждёт король.

С утра лил дождь. Откуда ему было взяться, вчера на небе он не видел ни облачка. Жакмен накинул свой плащ и по лужам поплёлся в мастерскую.

На входе Жакмен почувствовал зловонный запах. Это пахла нетронутая неделя еда, оставленная Гийому.

Сам Гийом сидел на скамье около стола.

Рядом с ним лежали великолепные картины.

Жакмен стал рассматривать их. Несмотря на то, что он срисовывал их со стены каменной пещеры, он совершенно их не помнил. В сознании его остались лишь пара образов, другое же хорошо стерло вино и сон.

Они были чуть больше 7 футов в высоту и около 3,5 в длину. Каждая из них была обрамлена в красивую витиеватую рамку. Изображения выходили за пределы этой рамки,

словно хотели ступить на землю. Так оригинально в Париже ещё никто не рисовал. Изображения на картинах, в отличие от зарисовок, имели неправильные пропорции, словно карикатуры. Жакмен засомневался, понравится ли это королю. Но образы! Как интересно они были преподнесены, на картинках Гийома они обрели тонкие детали, усиливающие впечатление.

Первым был изображён маг с большой седой бородой. У него в руках были два сосуда, символы жизненной силы.

Далее, второй, почему-то, шла папесса. Верховная монахиня. Символ целомудрия. С ней три невинные девы с потупленным взором.

На третьей картине была королева Изабелла. Тонкие, изящные черты лица без единого намёка на гротескное увеличение. Нежность и любовь, которую она готова была принести в этот мир. Рядом с ней дети, символ продолжения жизни и их любви с королём. Женское начало всей красоты.

На четвёртой карте был изображён сам его Величество Карл V. Его черты были переданы великолепно. Тонкую проседь на волосах Гийом прорисовал при помощи серебра, не иначе. Взгляд благородный и спокойный, взгляд короля, которого так любил народ. Перед ним на коленях подданные, упоенно смотрящие на короля и сложившие перед ним, как перед Богом, руки. Карла V высоко почитали во Франции, он был отцом Карла VI и одним из лучших правителей за историю.

На изображении: Император

Жакмен спросил Гийома:

– Ты не считаешь, что короля стоило бы расположить первым? Следом папу или Королеву, далее уже все остальное? А сам Карл VI будет?

– Нет. Будет только такой порядок. Маг должен быть первым. Его цифра единица, – ответил Гийом и замолчал. На оставшиеся вопросы он не считал нужным отвечать.

Жакмен хотел было начать спорить, что этот мальчишка о себе думает вообще, а потом подумал: "К королю я пойду без этого дурачка. По дороге просто поменяю. Негоже королю не быть первым."

На пятой картине Папа. Символ величия Бога на земле. Гийом отлично прорисовал лицо, понтифик не будет против такого портрета. "Его портрет по дороге положу вторым", подумал Жакмен.

На изображении : Папа (Le Pape)

Жакмен становился с каждой минутой все более счастливым. Казалось, он даже молодец!

Шестая картина показывала три пары влюблённых, которым дарили стрелы херувимы небесные. Они были разодеты в синие и красные одежды – символ мужского и женского начала. Гийом, проказник, даже изобразил гениталии ангелам. А пара посередине вообще целовалась, причём располагалась она так, что под облаками, на которых были стреляющие ангелы, пару эту видно не было.

На изображении : Влюбленные (L'Amoureux)

На седьмой картине богатая, запряженная двумя белоснежными лошадьми колесница несла храброго воина на сражения.

На изображении : Колесница (Le Chariot)

Восьмая картина изображала женщину в темном платье. Она не была похожа на придворную фрейлину. Голову её окружал венец, но в руках был не младенец, а меч и мерные весы. Прежде, чем что-либо делать, стоит взвешивать свои решения, а то можно остаться без головы, так расценил этот образ Жакмен.

На изображении: Умеренность (La Justice)

На девятой был мудрец в синем халате с бородой почти до пола. В руках он держал песочные часы, перед ним растилалась некая дорога. При взгляде на эту картину хотелось подумать о смысле жизни и бренности существования.

На изображении: Отшельник (L'Ermite)

Колесо было изображено на десятой картине. Оно завораживало взгляд и особенно было интересно тем, что читалась эта картинка как сверху, так и снизу. С одной стороны при рассмотрении была изображена счастливая жизнь – маленькие дети играли в красивом саду, светило солнце, виднелся дом с виноградником. Если же картинку эту перевернуть, изображение показывало, как маленькие дети в грязи и нищете умирают с голода на улице. А солнце становилось их шляпой для прошения подаяния.

На одиннадцатой картине снова та же дама, что и на восьмой. Платье на ней было зеленое, тот же венец на голове. В этот раз дама ломала колонну, демонстрируя недюжинную силу.

На изображении: Сила (La Force)

На двенадцатой при первом рассмотрении казалось, что изображён шут. Молодой мужчина стоял вниз головой и держал в руках мешки с золотом. Его синий камзол загнулся и показывал яркую оранжевую подкладку, словно перо у петуха. Когда разум понимал, что стоять на руках и держать мешки он одновременно не может, глаза натыкались на его виселицу. Она практически сливалась с рамкой, которой Гийом обрамил картину.

На изображении: Повешенный (Le Pendu)

Тринадцатая картина символизировала смерть. На чёрном коне, в золотом одеянии с белой повязкой на голове и белым плясом смерть в виде скелета скакала, не щадя никого. Под ногами у неё виднелся папа и кардиналы, уже покойные, в левом углу виднелся лик императора, в правом епископ. Ну что ж, ничто не вечно под Луной, ни одному императору и папе ещё не удавалось жить вечно.

На изображении Смерть (La Mort)

На четырнадцатой снова дама с одиннадцатой и восьмой.
«Не халтура ли?», – задумался Жакмен.

В этот раз у неё было красное парадное платье и два кувшина. Один она держала высоко над головой, другой внизу. Тонкой струйкой из одного в другой текло вино. А может быть и масло. Смотрела дама на кого-то в сторону.

На изображении: Умеренность(La Tempérance)

На пятнадцатую картинку Жакмен не мог смотреть без ужаса воспоминания. Эти страшные глаза со стены стали ещё страшнее. Существо, чьё имя достойные и верующие граждане не произносят всуе, кого боятся все без исключения смертные на земле, связи с кем страшатся, смотрело своими черными глазами на Жакмена . Казалось, эти глаза говорят Жакмену: «Я знаю про тебя все. И этот обман не пройдёт для тебя бесследно». Существо с большими витиеватыми рогами улыбалось. Фоном ему была геенна огненная.

На шестнадцатой картине была разрушенная башня. Может быть, она пострадала во время сражения. А может быть, как в Библии, была разрушена Господом Богом в назидание людям.

На изображении: Башня(La Maison-Dieu)

Молодая черноволосая девушка манила своими неприкрытыми формами на семнадцатой карте. Над её головой сияла красивая многоугольная звезда.

На следующей, восемнадцатой, астроном и его подмастерье изучали Луну в чистом поле.

На изображении Луна (La Lune)

В противоположность картинке со звездой целомудренная дева с веретеном со светлыми волосами и кротким взглядом стояла под солнцем в поле на девятнадцатой картине.

На изображении :Солнце.

Жакмен ликовал. Это была победа! Такая работа не могла оставить короля равнодушным. Оставалось только посмотреть ещё две картины и можно нести во дворец.

И тут, внезапно дверь его мастерской распахнулась, пространство мгновенно наполнилось стражниками, которые приняли замысловатое построение, следом вошли пара выряженных по случаю поездки слуг, и далее вошёл сам Король. Жакмен не испугался и не удивился, в этой странной истории могло быть место всему.

Король выглядел лучше, нежели чем две недели назад. У него был отличный ухоженный вид, глаза были наполнены радостью и предвкушением.

– Я вижу, ты успел в срок, Жакмен. Отлично. Давай посмотрим, что у тебя получилось.

Жакмен спешно сложил картинку в единую стопку, чтобы проверить, хорошо ли высохла темпура и все ли картинку имеют единый размер и передал королю, mfg и не досмотрев до конца.

Король взял эту стопку в руки, на его лице была явная удовлетворенность от увиденного.

Он медленно рассматривал каждую и клал на стол. Вот уже седьмая, восьмая... Четырнадцатая, пятнадцатая...

На двадцатой была какая-то не очень приятная картина.

Жакмен вспомнил ее, над голыми девами словно свершался суд.

На изображении Суд (Le Jugement (Dernièr))

Ну, не подведи, Гийом, пусть и двадцать первая будет такая же отличная!

Двадцать первая были с той же дамой, что уже изображал автор.

Жакмен негодовал: Кто же она, что художник ценит ее больше королевы в своих работах?

Но лицо короля оставалось настолько благостно и спокойно, что Жакмен решил не предавать тому большое значение.

Из под ног ее словно брали начало воды, земли, в руках у нее были символы королевской власти, но их наличие ничуть не смутило короля. Хорошо, только бы ему нравилось, у королей свои причуды.

На изображении Мир (Le Monde)

И тут произошло совершенно неожиданное. В руках у короля оставалась еще одна картинка! Жакмен рассеяно посмотрел по сторонам в поисках ответа, аподумал, что, наверное, Гийом просто выполнил одну из картин не с первого раза.

Двадцать вторая карта оказалась в руках у короля. Медленно уголки его губ, до этого находящиеся в улыбке, поползли вниз. В глаза его стали наворачиваться слезы. Его стало трясти, дрожь была настолько сильная, что была заметна всем окружающим. Казалось, король стал шевелить губами и что-то шептать. То был тихий звук. Король повторял одно слово:

– Пропал. Пропал. Пропал. Пропал. **Tar Rho. Tar Rho. Tar Rho.**

Картинка выпала у него из рук. Жакмен увидел сотворённое Гийомом и обомлел. На картине был изображён шут. У его ног стояли четыре слуги, меньше самого шута раза в два, почему-то один из слуг мыл ему ноги. Шут со слугами? Это что-то новое. Сверху он был одет, рубаха и попона были на нем, на голове была странная шапка с ослиными ушами. А вот снизу... Его гениталии прикрывала только узенькая набедренная повязка, которая была ему явно мала. Но это было не самое страшное. У шута было лицо Короля. Не заме-

ТИТЬ ЭТО СХОДСТВО БЫЛО ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО.

На изображении Шут (Le Mât)

Т. н. «Таро Карла VI» или «Таро Грингонье» («Charles VI» or «Gringonneur» Deck; Le tarot dit de Charles VI) – Первая в мире колода карт Таро.

Эта старинная колода карт, нарисованная темперой и тушью с использованием позолоты хранится на сегодняшний день в Национальной Библиотеке Франции, один из немногих сохранившихся примеров подобных изделий, относящихся к эпохе Ренессанса.

Король стал хвататься за корону, пытаясь сорвать её с головы. Начинался приступ. Слуги подхватили его, стража выстроилась клином. Появился маленький слуга, которого Жакмен видел ранеею.

– Быстро. Выводим. Во дворец его! – скомандовал он, и не прошло и 20 секунд, как взвыли хлысты кучера, лошади закричали и понеслись во весь опор.

– Забрать картины. В темницу этих! – кричал слуга, указывая на Гийома и Жакмена. – хотя нет, оставьте нас здесь, есть у меня идея получше.

Жакмен стал метаться, но цепкие руки стражи уже усадили его за стол рядом с Гийомом.

– Как посмели вы рисовать такое? Откуда прознали?! Я вытрясу из вас всю душу! Посмели насмеяться над королём и его болезнью.

Гийом подал голос:

– Простите, но так ведёт сама судьба. Король посланник её, ему суждено быть шутом. Tag Rho на восточном языке означает «Царский путь». Таков его путь.

– Как смеешь ты говорить такое про своего короля?

– Король болен. Болен за всех нас нашими грехами, нашими падениями, нашими пристрастиями. Ему придётся прожить жизнь, испытывая на себе крайности от всех этих отклонений. Раз от раза, он будет словно шут, изображать эти состояния. Его жизнь закончится только тогда, когда двадцать два наступит. Это его судьба, как бы он не пытался её изменить.

Жакмен сидел ни жив, ни мертв. Текли последние минуты его брэнной земной жизни, а он так ничего и не сделал. Не женился на той замечательной грудастой соседке, что торговала самыми вкусными яблоками. Не зачал ей щекастого малыша Жака, как обещал умирающему отцу. Не заработал свои 56 су, которые так были бы ему нужны. Никчемность его жизни была на весах у дамы с восьмой картинки. Добрые дела не перевешивали плохие, и её вердикт был отрубить ему голову. Чтобы попал он к тому, чьё имя не называют в слух.

Слуга, а имя ему Вильгельм, медленно расхаживал по мастерской. Размышлял. Вешать этих двух было опасно. Король, помешательство которого снова дало о себе знать, может огорчиться от их гибели. Что же остаётся?

Дверь мастерской открылась, на пороге возник мужчина

в темной одежде. Не обращая ни на кого внимания, он быстрым шагом подошел в слуге. Тот пал на колени и поцеловал руку гостю.

– Не сейчас – одернул его прибывший гость. – Расскажи, что произошло.

Слуга шепотом доложил о произошедшем. Пока он в красках описывал ситуацию, рыцарь расхаживал по мастерской и смотрел внимательно на картины.

– Хорошо. Эти двое должны исчезнуть, мастерскую оставить. Стража была только своя?

– Да, мой господин.

– Хорошо, так жертв будет меньше. Двадцать вторую картинку убрать, королю по пришествии в себя рассказать, что ему приснилось. Скажешь, Жакмен принёс картины сам, получил 56 су и уехал в Британь жениться.

На этих словах, стукнув каблуками об пол, черный рыцарь удалился.

Жакмен обреченно свалил голову на грудь и от жалости к себе тихонько заплакал.

Часть 2. Отец

Глава 5

1349 год, декабрь.

Резиденция молодого дофина Карла, будущего короля Карла V Великого, Дофине, долина Роны.

43 года до первого приступа Карла VI Влюблённого

Молодой будущий король Франции Карл поморщился, перед тем как распахнуть двери своего кабинета. Там его ожидал очередной проситель. В этот декабрьский день ему никого не хотелось принимать, его самочувствие никак не хотело улучшаться. Но проситель был настойчив, уверяя, что он точно сможет помочь королю в борьбе с его недугом, измученный несколькими месяцами тяжёлой борьбы, он был готов почти на все и согласился на встречу.

Чёрная смерть, а именно такое название получила пандемия чумы, не видела перед собой различия в молодости и старости, в целомудрии и грехопадении, богатстве и бедности. Люди настолько быстро заболели и умирали, что, казалось, к слезам уже привыкла вся Европа. Страх заразиться заставлял любимых ещё вчера людей отказываться друг от друга, прятаться и бояться, бросать умирающих заражённых,

многие просто гнили в лепрозориях. К королевской крови Черная смерть также не осталась равнодушной, и вот, молодой будущий король Франции старался изо всех сил побороть этот недуг.

Сколько врачей, просителей и монахов он перевидал за последние несколько месяцев, было просто не счесть.

Каждый раз, прежде, чем пропустить гостя, стража тщательно осматривала руки, голову, а иногда и все тело монахов.

Карл знал об ужасной практике *alousia*, что заставляла монахов не мыться месяцами, а иногда и годами. Он находил её просто отвратительной, не без основательно считая рассадником заразы, и его стража, чувствуя хотя бы намёк на подобный ритуал, ссылаясь на занятость дофина Карла, просто не пускала к нему. Один монах, как раз сторонник *alousia*, был настолько упорным, что ждал встречи с Карлом более полугода, пока однажды ночью не умер от "неясной болезни".

Все монахи имели общие черты, они так примелькались Карлу, что он едва мог вспомнить что-то новое о них, для него различалась лишь их цвета одеяний. Они обещали молиться за благополучие Франции и здоровое его и его отца, по факту же просто им нужны были деньги. Тринадцатилетнего мальчика просители одолевали словно коршуны, и это не удивительно. Расклад политических сил пророчил будущее молодому дофину, мощь маленького и не по годам ум-

ного будущего монарха росла день ото дня и это несмотря на его страшную болезнь.

Карл V Мудрый (фр. Charles V le Sage; 21 января 1338 – 16 сентября 1380) – король Франции с 1364 года из династии Валуа. Старший сын короля Франции Иоанна II Доброго и его первой жены Бонны Люксембургской.

Карл сел в своё роскошное удобное кресло, которое явно было ему велико, и приготовился услышать очередную историю о древнем ордене, всемогущем и, конечно же, единственно знающим толк в вопросах веры и поклонения.

Собеседник не торопился с началом разговора и у короля выдалась минута, чтобы рассмотреть прибывшего монаха.

В отличие от всех просителей, было в нем что-то особенное. Возможно, такое впечатление создавалось из-за яркой оранжевой накидки, что давала некое свечение и отбрасывала тёплый свет, придавая светлой коже собеседника словно золотой оттенок. Вообще странно было смотреть на монаха. В то время, когда страшный мор уносил жизнь за жизнью, когда его, сына короля, жизнь, висела на волоске, этот пышущий здоровьем мужчина производил слишком контрастное впечатление. Он был спокоен, дружелюбен и даже безмятежен.

Молодой мужчина имел очень красивые, правильные черты лица. Черные, густые, немного изогнутые брови, тонкий изящный нос, чувственные, пухлые губы, привлекательные ровно настолько, насколько имеют право быть привлекатель-

ными и чувственными мужские губы.

Но особое впечатление производили его глаза. Глаза собеседника имели невероятный цвет – цвет спелой черешни. Возможно, такая иллюзия создавалась из-за чёрных пушистых ресниц и немного красноватых, словно уставших после длительного пути и напряжения глазных белков. Может быть, цвет глаз можно было объяснить убранством самого кабинета – он был выполнен в красном цвете. Но смотрелись глаза чарующе.

Такие глаза не могли оставить равнодушными – в них хотелось находить одобрение и понимание, перед ними даже хотелось заискивать в поисках лучиков тепла, имеющегося в душе у этого загадочного человека, хотелось непременно снискать поощрение у хозяина этих глаз. Но одновременно с этим глаза вызывали медленно поднимающийся дикий страх, словно паралитический яд, потому как было совсем непонятно, что за тайны скрывают эти необычные глаза.

Прибывший гость предположительно из восточных земель наконец заговорил:

– Вы не помните меня?

Дофин был слегка обескуражен, разговор развивался совсем не по сценарию, Карл привык к обильным излияниям лести в его адрес, затем, обычно, следовал долгий и нудный рассказ про орден, его силу и то, как именно будут молиться за его здоровье, а тут ПРОСИТЕЛЬ начинает с вопроса. Но что ещё больше удивило Карла, лицо, а главное, облик мо-

наха действительно показался ему знакомым.

– Я следую за Вами уже несколько лет, пришло время Вам узнать, зачем я здесь. Мы называем себя монахом ордена Силы. Силы Всемирного равновесия.

Дофин продолжал разглядывать монаха. Абсолютно точно, что он видел этого человека и раньше, да вот только где?

– Очень любопытно, – промолвил Карл, – и в чем сила Равновесия? Я не король, я всего лишь дофин, и стать королём я могу только после кончины моего отца, Вам об этом известно, я думаю. Только Вы не можете не видеть и не знать, что организм мой сейчас ослаблен страшным недугом, и не факт, что я проживу столько, чтобы стать королём.

– Дорогой Карл, которому начертано стать Карлом 5. Я знаю о прошлом и будущем значительно больше всех Ваших придворных предсказателей, всех ведъм и гадалок из Вашего королевства. Ваша роль в истории слишком велика, пришло время открыть Вам некоторые секреты мироздания, которые помогут Вам и Вашим детям править, сохраняя мировое равновесие.

– Вы что-то знаете о моем отце?

– Сегодня речь пойдёт не о нем. Хотя, мне известны некоторые факты, правление его трудно будет назвать счастливым веком для Франции.

– Вы понимаете, что сейчас говорите о будущем короле? Как толковать Ваши слова? Не страшно ли вам ощутить сырость королевских каземат?

– Нет, несколько раз мне приходилось там бывать. У меня не так много времени, чтобы сегодня говорить обо мне. Осталась всего неделя, в течение которой мы будем учиться с Вами.

Молодой дофин кипел. Никто и никогда ещё не смел с ним так разговаривать, кроме короля. Что себе позволяет этот монах?

– Учиться чему? Очередной религиозной ереси?!

– Вы злитесь. Не стоит. Давайте договоримся так, Вы дадите мне пару часов Вашего драгоценного времени. Обучение, что предначертано мне вам дать, касается возможности исполнять любое ваше желание. Если сказанное мной Вас не заинтересует, можете бросить меня в тюрьму на тот срок, который дают за попытку убить короля.

– Будет Вам известно, за это вешают на плахе.

Огонь свечей заплясал в глазах собеседника и на секунду дофину показалось, что такая перспектива лишь насмешила его.

– Тем лучше.

– Прежде, чем я соглашусь тратить на вас время, я хочу знать, кто Вы, монах? Я видел вас раньше, ваше лицо мне знакомо.

– Я спасал вашу жизнь, мой дорогой король Валуа. Вас оставила без внимания ваша нянька, она просто уснула, было жарко и вы спали в саду, вы перекрутились в своей кровати, запутались в шелках ночной рубахи и чуть не удушили себя.

Я был рядом, нес службу, и спас вас. Получив из королевской казны награду, я отправился в город земного и неземного.

Дофин Карл был озадачен. Про несчастный случай, чуть было не погубившего дофина никто не знал. Карл был слишком мал, это могли преподнести как покушение, никто не хотел вносить смуту, лицо было реально ему знакомо. Несколько секунд помешкав, Карл сделал лёгкое круговое движение рукой в знак того, что монах может продолжать. Он решил дать шанс монаху, выслушать его. Это вообще было очень в его характере, справедливо относиться к людям, давать им возможность и шанс. Да и город, как выразился монах, земного и неземного очень его заинтересовал.

– Ты сумел меня удивить монах. У тебя есть два часа моего времени, моё сердце и разум открыты, чтобы выслушать тебя. Прежде скажи мне, как имя твоё?

– Называй меня Касум.

– Касум? Также по латыни звучит «пустота»... Словно тебя и нет вовсе?

– Ты все верно понял. Пустота и существует и не существует одновременно. Как и я.

Чутьё подсказывало Карлу, что повествование не закончиться прощением денег, хотя тот, кто действительно спас ему жизнь, был достоин не только денег, а времени тем паче.

Монах откинул свой капюшон, обнажив совершенно лысую голову.

– Я прибыл из далекого Священного города Дамкара, в

котором веками живут монахи, знающие секрет вечной жизни, мира и гармонии и чтящие определенный кодекс, целью которого является поддержание жизни на Земле, некоего Равновесия устоев.

Все на Земле подчиняется законам, которые были прописаны в этом кодексе ещё во время сотворения мироздания.

Душа человека живёт 21 жизнь. 21 раз она рождается и умирает на Земле, принося миру открытия и разочарования, любовь и боль, войны и созидание. Почему 21, спросишь ты меня, дорогой король? Ещё древние греки знали такую единицу измерения, как гера. Также зовут и величайшую богиню их древнего мира, мать Богов. С древнего еврейского имя её переводится как "зерно". Так вот, когда душа покидает тело при наступлении смерти на земле, её покидает 21 гера².

Основы душевных сил закладываются ещё в чреве матери и имеют предопределённость. Иными словами, некими силами уже начертано, когда стоит появиться тому или иному человеку и каким будет его характер и предназначение. Но как распределяется, каким станет этот человек?

На том совете высшими силами было определено при рождении даровать человеку некую силу – так называемый АУРУМ.

Одно из основных правил жизненного устройства – человек не может повторить свой АУРУМ дважды. То есть, ины-

² Гера – мера веса, упоминаемая в Библии. Вес ее сопоставим с 0,92 – 1,01 грамм

ми словами, за 21 жизнь человеку суждено прожить свой цикл, прожить 21 совершенно разную жизнь, с совершенно разными АУРУМАМИ.

– Как странно – молвил молодой дофин с грустью, – Я думал, что чем более добрее, порядочнее, благочестивее прожить эту жизнь, тем легче и приятнее будет мне в Царстве Божьем.

– Так думают многие, мой дорогой Король. Эта парадигма жизненного устройства позволяет сдерживать проявление сил Мрака и облегчает формы хозяйствования. Люди, объединены одной верой, одной правдой, одной силой. Зная, что их ждёт Гиена Огненная, они не совершают поступки, за которые страшно отвечать в дальнейшем. Но по факту, душа человека за 21 жизнь отрабатывает и рай и ад. И выходит на абсолютный ноль, решая дальше, родиться ли ей заново или же остаться в абсолютном спокойствии. Ты можешь спросить меня, многоуважаемый Король, как это, отработать рай и ад, но прежде, я хочу объяснить тебе, если бы на Земле души сами могли выбирать для себя аурум, большинство бы устремилось к получению аурумов власти, силы, любви. Что бы происходило тогда, ответь мне?

Молодой будущий король ответил быстро и гордо:

– Все были бы счастливы! Жили в мире, любви. Именно на это я и потрачу все силы в своём королевстве!

Дофин Карл, напомним, к слову так еще и не ставший королём, понял, что слишком легко выдал свои тайные мысли

и густо покраснел от смущения.

Весёлая искорка пробежала у монаха в глазах, такой молодой запал явно был ему по душе. Но отвечал он уже с некой грустью:

– Увы, мой дорогой король, нет. Вы молоды, но мудрость будет сопутствовать Вам по жизни. Вспомните примеры Вашей королевской истории – если властью наделены несколько герцогов, чем это заканчивается? Человеческая душа начинает созидать только тогда, когда у неё самой создана гармония. Причём кому-то для гармонии достаточно и куска хлеба, а кому-то мало замков, чьи подвалы полны золота. Совсем скоро ты сможешь в этом убедиться, когда после двух лун пройдёшь ты по своей земле. Также, мой дорогой король, подумай над следующими моими словами – можно ли обрести знания без опыта боли? Представим себе молодого юношу, чья душа терзается мыслями о прекрасной даме. Испытывает ли он только счастье и радость? О нет, в его душе также живёт боль, боль и боязнь быть отвергнутым, непонятым, разочарованным. Но сколько раз мы испытываем очарование за жизнь? И сколько раз разочаровываемся? Это сила опыта, сила жизни. Она дарована нам для того, чтобы двигаться вперёд, чтобы открывать в себе новые познания. Самый известный христианский постулат гласит – осилит дорогу идущий. Так вот и с болью, трудностями. Они нужны самому человеку. Просто кому-то страдания даются сразу, иногда в объёме, который невозможно вынести чело-

веку по жизни. А кому-то страдания даются на протяжении всей жизни.

– От чего это зависит? Кто определяет этот порядок?

– Это зависит от уровня развития души человека. На протяжении 21 жизни у смертных есть огромный выбор, как им прожить жизнь. Жизнь можно потратить на благие дела, на добро и любовь. Можно на войны, боль для других людей, убийства, интриги, обман и зло. Души совершают это все, потому как не имеют знания о доброте, и Вселенная и Божественное провидение не остаётся в долгу.

Одна из самых больших ошибок человечества и религий заключается в уравнивании силы Света и Мрака. Но это совсем не так.

Света, который даруют нам Высшие Силы, изначально даётся больше. Следовательно, светлых мыслей и светлых людей, как и светлых АУРУМ, было создано больше. Если бы среди аурумов было равное разделение, душа человека металась бы от граней величайшего добра и величайшего зла. В течение одной жизни человека темные страсти очень быстро бы истребили светлые аурумы, завидуя, воруя, ненавидя, убивая ради целей. Человеческие души совершенно не готовы к такому, не было смысла обременять их подобными страстями. Наоборот, такие страсти должны были быть исключением из правил, случаем порицания или поощрения. Порядок устройства мира предполагал наличие и страстей светлых. От которых люди бы любили, рожали детей, жерт-

вовали бы собой во спасение многих других душ.

Дофин поглощал жадно каждое слово. С такой точки зрения он никогда не рассуждал, это было для него свежей реформаторской мыслью. Особенно ему понравился момент с терзаниями о прекрасной даме. Это были очень актуальные для Карла рассуждения, любовь к одной даме терзала сердце юного Карла.

Рождённые практически в один день, Карл и Жанна де Бурбон воспитывались вместе. Их даже крестили в один день и в одной церкви Монтрейль. Маленькая весёлая Жанна была самым лучшим другом короля до прошлого года. В прошлом году все изменилось в один день. Как-то войдя в сад, чтобы позвать Жанну играть, Карл увидел, как Жанна читает книжку в тени деревьев. Солнечные лучи, пробирающиеся через листву, окаймляли её невероятной красоты лицо, её тонкую шею и руки. Карл подумал, что если ещё посмотрит на неё больше нескольких секунд, он ослепнет от этой картинки. Она ужасно его раздражала, когда играла с другими мальчишками и девочками.

А сейчас, когда он заболел и не мог общаться с ней как раньше, когда рука его от болезни ужасно распухла и никак не становилась прежней, он был ещё больше на неё раздражён. Карл болезненно скучал без Жанны. Несмотря на то, что она была его родственницей, а такие браки не имели часто хорошего потомства, Карл мечтал выздороветь и стать её мужем. В том, что он сможет сделать её счастливой, Карл не

сомневался. А вот в том, что здоровье все же позволит Карлу стать мужем Жанны, у него были противные, грызущие по ночам сомнения. Официально Карл не мог просить руки Жанны, так как ещё не был окончен траур. Реально же Карл последние месяцы был даже рад такому трагическому стечению обстоятельств, оставить Жанну вдовой было бы невыносимо больно для него.

– А вот как узнать, подходят ли аурумы двух людей друг другу?

Монах улыбнулся. Определённо, этот мальчишка с его пытливым умом очень ему нравился.

– Для этого надо прожить жизнь с кем-нибудь, – рассмеялся монах, – если в конце жизни ты ещё захочешь улыбнуться своей жене, значит, аурумы подходили.

Дофину Карлу понравилась такая шутка. Ему действительно хотелось прожить с Жанной до старости. С этого началась их такая необычная дружба с Касумом. Карл согласился обучаться различным знаниям, что хранились в Дамкаре веками и что монах был готов для него открыть.

Оказалось, что уверенность в себе Касума была настолько велика, что стоило Карлу согласиться на обучение, к воротам тут же подъехали два огромных обоза, наполненных всякой всячиной. Были тут и древние книги и различные совершенно непонятные приборы и принадлежности, что часто используют в своей работе астрономы. Была куча склянок с непонятными жидкостями. Все это решено было сгру-

зить в келью, что была в небольшом монастыре около Дофины, где как раз останавливались просители. Просителям же на время этой недели было запрещено тревожить дофина, чтобы не отнимать у него время.

В течение недели Касум обучал монаха различным премудростям.

Первый день монах начал с врачевания, объясняя попутно, что в больном теле не живёт здоровый АУРУМ. Карл, которого измучили различным лечением за последние полгода, не стал отказываться от помощи. Касум долго читал что-то бормочущее над Карлом, заставляя того пить травы, которые привёз с собой в стеклянных банках. После третьей, отвратительной на вкус, но, как уверял Карл, "спасительной жидкости", король уснул так крепко, что Касум сумел его разбудить только на утро третьего дня. Проснувшись, Карл почувствовал себя великолепно, только рука его так и осталась припухшей. Касум посмотрел на руку и сказал:

– Радуйся, будущий король. Травы, что я дал тебе, остановили отмирание плоти. Рука останется с тобой, будет чуть тревожить тебя, но это лучшее, что смог бы я сделать.

Карл был счастлив и этому.

Третий, четвёртый день они потратили на изучение мира и звёзд. Касум рассказывал про различные страны, людей и зверей, что он видел. Говорил про пирамиды, что во много раз выше роста человека и внутри, словно дворцы, имеют миллион ходов. Рассказывал, как в долине красной реки хо-

ронят местных правителей, создавая невероятной красоты гробы, что созданы из золота и камней.

Карл внимательно слушал, записывал самые интересные моменты. Касум предположил осторожно – Земля, говорит, кажется мудрецам Дамкара круглой. И, якобы, не солнце вращается вокруг земли, а земля вокруг солнца, да ещё и не одна, а с другими такими же планетами.

"Ну это от невежества", подумал Карл, всем ученым людям известно, что совсем все наоборот. Спорить сильно не стал.

Особенно Карла интересовало, как устроено государственное управление в разных странах. Где какие подати, где какая церковь, какие войны где и правители. Касум отвечал на все его вопросы.

Четвёртый день обучения был отведён под всякие различные приборы, что привёз Касум. Были там и увеличительные во много раз стекла, астролябии, компасы, трубы. Карл, будучи достойно любознательным, но все же не терзавший свой разум вопросами мироздания, не особо внимательно изучал все эти премудрые приборы. В конце концов, он правитель, а не звездочёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.